„Sozialistitscheski Westnik"
„Der sozialistische Bote"
Berlin SW 68, Lindenstr. 3, 4. Hof, V.

Preis M. 900.–
in Deutschland

Zentralorgan der Soz-Dem. Arbeiterpartei Russlands

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Выходит 2 раза в месяц при ближайшем участии Р. АБРАМОВИЧА, Ф. ДАНА и Л. МАРТОВА

№ 7 (53) | Контора и редакция: Berlin SW 68, Lindenstrasse 3, IV. Hof, V. Тел. Dönhoff 51-90 | 1-ое апреля 1923 г. | Прием по делам редакции ежедн., кроме субботы, от 1—2 час. | 3-ий г. изд.

СОДЕРЖАНИЕ:

В этом номере 20 страниц.

Без пролития крови...

На фронте «бескровного истребления» социалистов сов. властью одержана новая блестящая победа: в Пертаминске, на берегу Северного моря, в 40 верст. от Архангельска, учрежден новый «концлагерь» для социалистов.

Туда отправлена была в декабре первая партия ссыльных социалистов (с.-р.), за ней теперь последовала вторая группа, в которую наряду с с.-р. входят и с.-д.: Б. О. Богданов и Л. Зорохович.

Лагерь устроен в старом полу-развалившемся здании бывшего монастыря, без печей, без света, без нар, без пресной воды, которую выдают в очень ограниченном количестве, без достаточного питания и без возможности получать какие-либо с'естные продукты, без всякой медицинской помощи и без возможности регулярных сношений с внешним миром. Два раза в год, во время распутиц, Пертаминск долгими неделями совершенно отрезан от всякого сообщения и обречен, не говоря уже обо всем остальном, на буквальное голодание.

Условия жизни в Пертаминске настолько ужасны, что даже притерпевшиеся ко всему конвойные, сопровождавшие туда первую партию ссыльных, смутились и, уступив настояниям ссыльных, отвезли их обратно в Архангельск. Но у тамошнего коммунистического начальства нервы оказались крепче, чем у простых конвойных солдат, и измученных, полуживых от долгого сидения и утомительной езды ссыльных немедленно же вторично отправили в Пертаминск.

К совершенно невероятным материальным условиям содержания в Пертаминске присоединяется неслыханный даже для большевистских «концлагерей» зверский режим. Дело доходило, как передают, даже до покушений на коменданта, и заключенные мечтают, как о высшем благе, о переводе в — Холмогорский лагерь, прославившийся своими избиениями.

Нужно, чтобы русские и европейские рабочие знали, что заключение в Пертаминске в описанных условиях есть верная смерть; что ссылка туда есть та же смертная казнь, но только рассроченная на несколько месяцев и без явного «пролития крови».

Нужно, чтоб они знали, что русская коммунистическая партия, организующая «дни амнистии» в Европе, подымающая в своей прессе вой по поводу зверства буржуазии, не дающей арестованному в Париже немецкому коммунисту Геллейну права... принимать в своей камере посетителей, — у себя дома хладнокровно и рассчитанно организует убиение социалистов путем голодной смерти и сыпного тифа.

Но пусть знают и вожди Р. К. П., науськивающие на наших товарищей чекистских палачей, в утонченности и жестокости своего зверства далеко превзошедших царских жандармов и тюремщиков, что им не запугать представителей социалистического рабочего класса, борющегося против большевистской диктатуры. Физическим истреблением им не избежать исторической Немезиды.

Новая утопия.

Быть или не быть? Удастся или не удастся «нам продержаться... до тех пор, пока зап.-европ. капиталистические страны завершат свое развитие к капитализму»?

Этот гамлетовский вопрос в последнее время все чаще и настойчивее ставится вождями русских большевиков. К нему возвращается (в «Правде» от 4 марта) и Ленин в своем «письме», написанном незадолго до последнего приступа болезни.

Что заставляет его ставить себе этот вопрос?

Прежде всего — низкий культурный уровень страны и населения.

У нас нет культуры. Не то, чтобы какой-нибудь там «пролетарской» и «социалистической», а «хотя бы настоящей буржуазной культуры, которой тоже «для начала было бы достаточно».

«Элементы знания, просвещения... у нас до смешного малы по сравнению со всеми другими государствами».

И даже лучший элемент будущего строя, «рабочие, увлеченные борьбой за социализм», — «недостаточно просвещен». А о крестьянстве и говорить не приходится. —

В нелучшем состоянии и материальная культура: «нам... не хватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, хотя мы имеем для этого политические предпосылки».

Страна разорена. В ней нет машинной индустрии. Основой хозяйства являются «мелкие и мельчайшие крестьяне». А государственный аппарат? Дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтоб не сказать отвратительны», — что надо с самого начала подумать о его переустройстве.

У «нас» не только нет аппарата, «действительно заслуживающего названия социалистического, советского и т. п.», но было бы «вреднее всего» даже «думать, что у нас есть сколько-нибудь значительное количество элементов для построения его».

«Нет, такого аппарата и даже элементов его у нас до смешного мало».

Правда, «мы уже пять лет суетимся над улучшением нашего госаппарата, но это именно только суетня, которая за 5 лет доказала свою непригодность, бесполезность или даже вредность».

Итак, в силу международных условий и столь красноречиво охарактеризованных Лениным внутренних причин, сов. власти еще «много, много, много лет» придется, с одной стороны, пребывать в «капиталистическом окружении», с другой стороны, — «проникнувшись спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению», не стремиться к осуществлению социализма в России. Как же уберечь себя от тех величайших опасностей, с которыми связано такое положение?

Как устранить те препятствия, которые стоят на пути к осуществлению социализма в России?

Как поднять экономическое состояние страны, культурный уровень населения и, в частности, рабочего класса? Каким образом создать элементы для построения нового госуд. аппарата, которого сейчас нет, и даже не из чего построить?

«Для нашего спасения» «мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами», отвечает Ленин.

Надо обеспечить за пролетариатом гегемонию над крестьянством, — формулирует ту же мысль Бухарин.

«Смычка с крестьянством», «предотвращение раскола между рабочим и крестьянином», — на тысячу ладов варьируют тот же рецепт спасения более мелкие большевистские боги в «Правде» и «Известиях».

Со времени кронштадтского восстания и нэп'а идея господства над крестьянством путем голого насилия потеряла кредит среди значительных кругов русского коммунизма. Был взят курс на «гибкость» и «лавирование», на уступки и приспособление к интересам крестьянского хозяйства.

«Мы как бы пересели с экспресса в рабочий поезд, отказавшись от кажущихся преимуществ в пользу трудного, но надежного достижения своей цели», — образно формулирует суть новый тактики В. Молотов в «Правде» от 15 марта.

В соответствии с этой тактикой и удержание «гегемонии» мыслится Лениным не методами механического насилия, а путем дальнейшего приспособления к интересам крестьянства.

Надо «заслужить и сохранить доверие крестьянства», заявляет он.

Но как это сделать? Тактика голого насилия над крестьянством, в форме «военного коммунизма», обанкротилась.

Но из безотрадной картины настоящего положения дел в России, нарисованной самим же Лениным, непосредственно вытекает, что и «нэп» не оправдал возложенных на него надежд. Вся статья Ленина есть не что иное, как замаскированное признание банкротства «нэп»'а, как панацеи от всех зол, — подтверждение той неустанно пропагандируемой нами идеи, что одной «свободы частного оборота», одних экономических «уступок» крестьянству и вообще одних экономических мероприятий, даже если бы они были гораздо обширнее и планомернее, недостаточно для того, чтобы удовлетворительно разрешить проблему русской революции в интересах пролетариата. «Экономику» надо дополнить «политикой», т. е. системой мер, направленных к созданию в России более совершенного политического порядка, — вот основная мысль, к которой Ленин с неумолимой логикой приводится всем ходом своих рассуждений.

Ленин отлично видит всю непригодность созданной большевиками политической машины для выполнения стоящих перед нею гигантских задач; он не находит достаточно сильных выражений, чтобы заклеймить ее пороки и недостатки и правильно подмечает, — хотя ни разу прямо не формулирует, — и главный из этих пороков — чудовищную не-экономичность машины, ее свойство достигать ничтожных результатов при неслыханной затрате времени и средств.

Но такая нищая и в конец разоренная страна, как Россия, не может позволить себе роскоши иметь столь плохо и расточительно работающий «госаппарат».

Необходимо «с величайшей экономией изгонять из... общественных отношений всякие следы какихлибо излишеств», надо «ценой величайшей экономии в государственном хозяйстве добиться возможности экономического под'ема, — со свойственной ему настойчивостью вдалбливает Ленин эту истину в головы своей паствы.

Крестьянство примет гегемонию пролетариата (читай: комм. партии) и тем спасет революцию, если коммунистам удастся в дополнение к нэп'у создать в Рос-

сии **дешевую и хорошую** администрацию, аппарат из честных и хорошо работающих чиновников, — вот вывод, к которому Ленин приходит.

Но Ленин, конечно, перестал бы быть самим собою, т. е. социальным утопистом с марксистской фразеологией, еслиб он, анализируя причины неудовлетворительности нынешнего государственного аппарата, попытался вскрыть связь между политической **машиной** и политическим **строем**, и, исходя из этого анализа, постарался **по-марксистски** наметить и указать **реальные пути** к созданию лучшего «аппарата»

Ибо ему тогда пришлось бы признать, что строй партийной диктатуры, режим бесправия и террора, полное отсутствие всякой возможности общественной самодеятельности не **могли** породить иного государственного аппарата, что в условиях отсутствия свободного общественного контроля и свободной критики, при отсутствии всякого действительного самоуправления, при всесилии бесконтрольного чиновничества, произвола полицейщины, **не может быть** честной и дешевой администрации, добросовестных и хороших чиновников.

Можно спорить об исторической неизбежности революционной диктатуры в те или иные моменты в развитии революций, — но нет ни одного здравомыслящего человека, который решился бы отрицать, что режим террористической диктатуры — с точки зрения общественной экономики является самым дорогим и расточительным, и что он из всех возможных режимов является наименее пригодным для создания хорошего — с хозяйственной точки зрения — государственного аппарата.

Поставленная Лениным задача — создание целесообразного политического аппарата по принципу «величайшей экономии» — является, — **при сохранении основ нынешнего режима**, — неразрешимой задачей, своего рода квадратурой круга.

Чтобы разрешить ее, ему пришлось бы признать, что для спасения революции необходим отказ от всей нынешней системы большевистской диктатуры, что для действительного закрепления за пролетариатом «руководящей роли» по отношению к крестьянству необходим переход к режиму **самоуправления и демократии**.

Но большевизм, как всякий исторически переживший себя деспотический режим, обратившийся в препятствие для дальнейшего развития страны, явно неспособен, несмотря на несомненную наличность в нем «мутно-меньшевистских настроений» — по выражению Молотова, на героические меры, на «великие реформы». Закрывая глаза на действительность, он предпочитает убаюкивать себя «бюрократически-административными» утопиями. И признанный «гениальный вождь» большевизма строит, — в дни, когда в сов. России торжественно празднуется 40-летие со дня смерти Маркса, превращенного в казенного «святого», — проекты разрешения грандиозной исторической задачи путем ... реорганизации Рабкрина, при помощи создания «железной когорты» из 400—500 («лучше меньше, чем больше») праведных «цекакистов», которые в «долгие, долгие годы», на основе изучения «книги Ерманского» (хотя и отличающегося «явным сочувствием к меньшевизму») и «недавней книжки Керженцева» (таковым сочувствием не отличающегося) и при помощи «шутливых или полу-шутливых проделок» в «местах, не совсем удобоупоминаемых в чинных и чопорных учебниках», создадут и вышколят в России под кровом Г. П. У. честный, дешевый и хороший «Госаппарат», который обеспечит России экономический под'ем, а коммунистическому пролетариату «доверие» крестьянства.

Р. Абрамович.

Как они праздновали юбилей...

День 25-летнего юбилея партии большевики почтили по своему: именно этот день был выбран для давно подготовлявшейся «операции». Были мобилизованы все силы Г. П. У., большие воинские кадры, а также множество членов Р. К. П. и комсомола — «в порядке партийной дисциплины».

В театрах и клубах шло казенное празднование юбилейного дня. А в это самое время охранное воинство коммунизма было брошено на «настоящую» работу, достойно венчающую «двадцатипятилетие Р. К. П.». Было произведено огромное количество обысков и арестов. Перетряхнули массу квартир. Посадили в разных местах целый ряд засад. В одном районе оцепили целый квартал: задерживали прохожих, проверяли документы, многих тут же арестовывали. Передают, что обыски и аресты были и среди коммунистической «оппозиции».

Вот это называется — уметь поставить «юбилейное торжество» и сделать его «содержательным», превратить в наглядный урок на тему о том, чем была и чем стала большевистская партия за прожитые 25 лет! Цинизм коммунистических жандармов доходит поистине «до грации».

Легкомысленный акушер

I.

В длинной веренице отошедших и ушедших из рядов социалдемократии появилась, на радость «красным» купцам, жандармам и прочим Стекловым, новая крупная фигура — **А. Мартынов.**

Этот наш старый соратник — не из числа тех Хинчуков и Майских, которые меняют свои «убеждения» в 24 часа за чечевичную похлебку и даже еще того дешевле. Поэтому его переход от меньшевизма к большевизму, о чем он возвещает в своей статье «Мои украинские впечатления и размышления» («Красная Новь» 1923 г., кн. 1-я), заслуживает всяческого внимания, — тем более, что самое напечатание статьи преследует цель весьма почтенную и даже, можно сказать, человеколюбивую: «разродившись» — на шестом году большевизма и третьем нэп'а! — коммунизмом, Мартынов хочет, рассказав, «как это делается», «облегчить муки родов коммунизма» и у тех «многочисленных меньшевиков», которые, по его мнению, чувствуют, как и он, что «зашли в тупик, но не знают, как из него выбраться».

Это гуманитарная цель, как и все прошлое Мартынова, дают читателям, и особенно — читателям меньшевикам, неоспоримое право ожидать, что к своему первому выступлению с нагорною проповедью коммунизма Мартынов отнесется со всею подобающею серьезностью; что в виде своих «впечатлений» он даст нам не только ряд беглых «сердца горестных замет», но и кучу «ума холодных наблюдений»; что его «размышления» введут нас в круг солидного теоретического обоснования «переоценки всего нашего старого спора между меньшевизмом и большевизмом». Увы! Ничего этого читатель в произведении Мартынова не найдет! И что особенно больно поражает и даже вызывает некоторое чувство неловкости за автора, это именно — неизреченное **легкомыслие**, с которым А. Мартынов берется на старости лет за мало свойственную ему профессию коммунистической «бабки-галанки».

Статья А. Мартынова сопровождается примечанием от редакции «Красной Нови». В этом примечании редакция «к сведению молодых читателей» сообщает, что «А. Мартынов **до самого последнего времени** известен был, как один из виднейших и старейших идейных руководителей меньшевизма». Но, если это так, если Мартынов в самом деле «вместе с Мартовым и Даном неизменно входил в состав редакций» и т. д., то странно, почему об этом надо напоминать «молодым читателям»: ведь, вот, о закоренелой меньшевистской преступности Мартова и

Дана хорошо знают и без напоминания и старые, и молодые читатели коммунистического журнала, — ну, хотя бы потому, что означенные злодеи изо дня в день втечение более чем пяти лет подвергаются поношениям и надругательствам всех борзописцев большевистской печати!

Но в случае с Мартыновым напоминание, действительно, было необходимо. Ибо, не только «молодые читатели» о Мартынове, как политическом деятеле, ничего не знают, но и читатели старые успели о нем основательно забыть. И произошло это потому, что Мартынов не только не был «до самого последнего времени» виднейшим руководителем меньшевизма, но более четырех лет тому назад фактически порвал всякую связь с меньшевистской партией — не в силу каких либо обнаружившихся разногласий, а в силу того обстоятельства, что он вообще *сошел с политической сцены.*

Осенью 1918 года Мартынов, бывший тогда членом нашего Ц. К.-та и вполне согласный с общим направлением его политики, выехал, — как предполагалось, на 1½—2 месяца, — на Украину и с тех пор пропал, можно сказать, для партии «без вести». Теперь из собственного рассказа Мартынова мы узнаем, что, за исключением короткого промежутка в 3 месяца в период падения власти гетмана Скоропадского, он прожил это время *обывателем* в м. *Ялтушкове подольской губ...* Редакция «Нови» просто солгала своим «молодым читателям», уверяя их, ради вящщего посрамления меньшевизма, будто Мартынов «до самого последнего времени» был «одним из столпов» нашей партии.

Но нас интересует не рассчитанная ложь большевистской редакции. Нас интересует Мартынов. Годы, которые он прожил вдали от партии, видным деятелем которой некогда был, были годами бурными, тяжелыми и трагическими. Наша партия, партия революционного, пролетарского марксизма, очутилась перед совершенно небывалою непредвиденною и крайне сложною историческою ситуациею и перед совершенно новыми задачами. И перед нею вставали все те вопросы о борьбе с контр-революцией, о роли диктатуры в революции, о демократии и политической свободѣ, о терроре, об экономической политике и т. д., которые затрагивает Мартынов. Партия не подходила к этим вопросам доктринерски, с готовыми ответными формулами, с штампованными трафаретами. Нет! Партийная мысль проделала огромную работу в поисках того пути, который отвечал бы одинаково и интересам революции, и неотделимым от них интересам рабочего класса.

В этой трудной работе, которую партия проделывала в огне политической борьбы, под градом преследований, под ударами террора, но ни на минуту не теряя организованной связи с рабочим классом, Мартынов не участвовал. За все 4 года пальцем не пошевелил, чтобы своими «размышлениями» облегчить партии «муки родов» новой политической ориентации. Он занимался в это время «самокритикой» в своем — очевидно вынужденном — ялтушковском уединении на основе своих местечковых «впечатлений», даже большевистскую московскую прессу получая лишь в виде отдельных номеров. Вчера еще стоявший в первых рядах партии, он за все 4 года не только не использовал ни одной возможности обменяться мыслями с вчерашними товарищами по партийным центрам, но не считал своей обязанностью поддерживать связи хотя бы с ближайшими местными организациями; не попытался даже толком *узнать*, что думает партия и как она решает волнующие его вопросы: очутившись-же в Москве, немедленно вылез на свет божий со своей доморощенной местечковой философией и, соорудив себе собственное «соломенное чучело» вместо партии, стал «облегчать муки родов» у якобы-беременных коммунизмом «многочисленных меньшевиков»! Мыслимо-ли большее легкомыслие у человека, претендующего на звание «руководителя и столпа» и на родство с «неистовым Виссарионом»? Что, кроме снисходительной улыбки, может, например, вызвать наивный рассказ Мартынова об его переживаниях, когда ему весной 1921 года «попался в руки» номер московской газеты с известным докладом Ленина, положившим начало «новой экономической политике»:

«Как будто молния прорезала черные тучи и сразу ярко осветила то, что у нас происходит. Я видел, что Ленин поставил глубоко верный диагноз нашей болезни... я готов был обеими руками подписаться под тем, что он говорил. Если не поздно, говорил я себе, то этим путем революция будет спасена».

Будь Мартынов не столь легкомысленно-беззаботен насчет позиции партии, к которой он вчера еще принадлежал и которую сегодня собирается поучать, он знал бы, что «глубоко верный диагноз», поставленный Лениным, и указанные им пути спасения революции — «если не поздно»! — представляют собою ничто иное, как перепев экономической платформы, формулированной нашею партиею тогда, когда заведомо было еще «не поздно». А в этом случае Мартынов, вместо того, чтобы вкладывать в свои уста «перст изумления» перед гениальным прозрением Ленина, спросил бы себя, быть может, почему этот перепев сопровождался обещанием держать меньшевиков в тюрьме — единственным «обещанием», выполненным большевиками «без обмана». «Размышления» над этим вопросом, пожалуй, были бы более полезны для оценки смысла и перспектив «новой экономической политики», чем гимны красной аршин, наличность которой неожиданно оказывается для марксиста Мартынова единственным источником «веры в то, что «мы на экономическом фронте больше отступать не будем»!

II.

До сих пор мы говорили об обывательском легкомыслии Мартынова, как о несомненной *вине* его перед партией, в которой он в свое время занимал положение, *обязывавшее* его менее балетно-грациозно перескакивать в другой лагерь. Но это легкомыслие является и *бедой* его.

В начале новой премудрости Мартынова — или, как выражаются его новые друзья, его «прозрения» — стоят горестные переживания иностранной оккупации, гражданской войны и бандитизма, восемнадцать раз перекидывавших из рук в руки местечко, в котором он жил. Что из этих переживаний Мартынов сделал тот вывод, который давно уже сделала наша партия, а именно — что в гражданской войне мы, и будучи противниками большевиков, должны их поддерживать, как поддерживали бы *всякое* революционное правительство, в борьбе с контр-революцией, какими бы флагами она ни прикрывалась, это — понятно. Но что из безобразий и гнусностей, творимых вооруженными шайками и бандами, из сожжения сотен крестьянских дворов и повешения заложников австрийцами, вывоза сахара поляками и прочих деяний такого порядка, свойственных во внешней и гражданской войне — увы! — не одним противникам большевиков, Мартынов без обиняков выводит свое право поставить «демократию» в кавычки и востосковать о «диктатуре», — это объяснимо лишь легкомысленной психологией напуганного местечкового обывателя, апеллирующего от погрома непосредственно к городовому. Да и то для такой апелляции Мартынову пришлось прибегнуть к маленькой хитрости: на первых страницах его статьи мы читаем об ужасах, пережитых им от австрийцев, поляков, петлюровцев, деникинцев и прочих контр-революционных народов, и только через 25 страниц, в другой связи, мимоходом узнаем, что и первый красноармейский отряд, пришедший в Ялтушково, не внушил ему «ни радости, ни гордости»...

Итак, пережив 18 погромов, Мартынов, «оторванный от центров политической мысли», к «весне 1922 года» собственным умом додумался «в окончательной форме: *не* «парламентская демократия», а «революционная диктатура» — и спешит просветить светом своего открытия коснеющих во тьме меньшевиков. Но если-бы легкомысленный философ поинтересовался тем, что, действительно, думают по этому поводу меньшевики, и ознакомился хотя-бы с известными тезисами, принятыми партийным совещанием в апреле 1920 года, т. е. ровно за 2 года до его собственного «озарения», то он увидел бы, что для партии вопрос вовсе и не стоял: *или* парламентская демократия, *или* революционная диктатура. Он увидел бы, что, собираясь поучать меньшевиков, ему надо не ограничиваться теми беглыми и случайными замечаниями, легкомыслие кото

рых мы еще постараемся показать, а рассказать, что он думает, в отличие от партии, о социальном содержании и формах революционной диктатуры, о различии между диктатурой класса и диктатурой единоличной или олигархической (хотя бы и диктатурой «сознательно революционнаго меньшинства»). Ему надо было бы сказать, считает-ли он правильным наше мнение, что «классовая диктатура пролетариата направляется только против эксплуатирующих народное хозяйство и паразитических общественных групп» и «ни при каких условиях не может быть направлена против других слоев трудящихся», а тем паче — против самих пролетарских масс: что хотя пролетариату «в первый момент завоевания политической власти, в период продолжающейся гражданской войны» и могут быть навязаны ограничения демократии, как «временная мера законной революционной самообороны», но что, во-первых, эти ограничения могут быть направлены лишь против непроизводительных слоев населения, и ни в коем случае не против самого трудящегося большинства; что, во-вторых, самая необходимость таких ограничений свидетельствует о слабости классовой диктатуры и о неподготовленности страны к коренному социалистическому преобразованию; что поэтому попытки «использовать ограничение демократии для форсирования процесса социализации хозяйственной жизни и для преодоления сопротивления, которое неразвитые экономические отношения оказывают этому процессу, может вести лишь к реакции в широких массах, к вырождению классовой диктатуры в диктатуру убывающего меньшинства и к расколу самого рабочего класса» и т. д. и т. д.

Вот — далеко не исчерпывающий — перечень мыслей, формулированных партиею задолго до роковой для Мартынова «весны 1922 г.», с которыми он должен был свести счеты прежде, чем предлагать меньшевикам свои акушерские услуги. Он должен был сказать, что он думает обо всем этом, оценить социальное содержание, формы, средства и цели большевистской диктатуры, показать, что эта диктатура была и остается диктатурой рабочего класса, и затем уже предложить нам покорно склониться к ее ногам. Ничего этого он не делает, а просто вопит: я пережил 18 погромов! Долой парламентскую демократию! Да здравствует большевистская диктатура! Неужели бывшему партийному теоретику не совестно выскакивать на кафедру с таким багажем?

После этого Мартынов начинает буквально «выщипывать» отдельные вопросы и давать на них «прямые ответы». Но какие? Пусть судит читатель.

Большевиков обвиняют в том, что они не только разогнали Учредительное Собрание, но и с'езд советов поставили перед совершившимся фактом. Это верно, говорит Мартынов. Но «есть-ли тяжеловесный парламентаризм достаточно острое и пригодное оружие в условиях революции»? «Должны-ли были большевики сидеть сложа руки и ждать, покуда не выявится путем голосования, что и последний крестьянин в провинции им сочувствует»? Позвольте! Да, ведь, речь идет не об ожидании голосования «последнего крестьянина в провинции», а о 12-часовом «ожидании» голосования с'езда. Речь идет не о «Франкфуртском парламенте», а о высшем органе советской системы, которую никто иной, как большевики, принципиально противопоставили парламентской, и не о методической выработке «наилучшей конституции», а о решении вопроса о конструкции власти. И, наконец, почему революционный парламентаризм должен быть непременно «тяжеловесным»? Никогда в мире революции так не делались! — кричит Мартынов. Он забывает малость — ну, хотя бы французский Конвент! А затем возникает каверзный вопрос: ну, а теперь как обстоит дело? Большевики тоже не могут «ждать» результатов голосования?

Расправившись так победоносно с «тяжеловесным парламентаризмом», Мартынов спешит дальше.

«Большевистская диктатура есть режим насилия меньшинства над большинством», говорят противники большевиков. Это неверно, рубит Мартынов: «большевистская диктатура есть режим насилия революционных классов и слоев населения над нереволюционными», а где большинство, где меньшинство — сам чорт не разберет: в этом Мартынов «имел сто раз случай лично убедиться, живя на Украине». Аргумент сокрушительный! И, однако же, — если бы большевистская диктатура была тем, за что она выдает себя и за что ее считает, повидимому, Мартынов, — диктатурой двух революционных классов: пролетариата и крестьянства, то, и «живя на Украине», было бы нетрудно заметить, что это есть диктатура большинства, и что, следовательно, о насилиях ее, как насилиях меньшинства, говорить бы не приходилось. Но мы знаем, что диктатура эта творила и творит систематические насилия не только над отдельными рабочими и крестьянами, но над пролетариатом и крестьянством, как классами, т. е. над несомненнейшим большинством. «Живя на Украине», Мартынов, быть может, этого слона и не приметил. Но, вот, живя в Петрограде и Москве, его приметил в минуту покаяния даже (даже!) Зиновьев. Ведь, это он говорил на 8 с'езде советов (декабрь 1920 года): «нам надо восстановить выборность рабочей и крестьянской демократии. Нужно понять, что, если мы до сих пор отказывались от элементарнейших демократических прав рабочих и крестьян, то теперь с этим нужно покончить». Как известно, и после 1920 года с «этим» не покончили, и благие намерения Г. Зиновьева пошли, как и полагается, на замощение большевистского рая. Но как же все-таки с откровениями Зиновьева быть? Как быть с тем неоспоримым, тысячи раз самими большевиками провозглашенным и даже «по Марксу» обоснованным фактом, что их режим есть диктатура коммунистической партии, т. е. 400 000 человек из 150-миллионного населения, т. е. заведомого меньшинства?

Пусть — меньшинства, молчаливо соглашается Мартынов. Но за то большевистская власть проявила максимум «действеннаго» демократизма. На эту тему можно было-бы многое сказать. Но сейчас нас интересует, в чем же сам коммунистический новокрещенец видит этот «действенный» демократизм? Почти невероятно: в том, что большевики не только «шли навстречу» самым наивным иллюзиям масс, за которые эти массы потом расплачивались неслыханными страданиями, но и прямо разжигали эти иллюзии. «С точки зрения меньшевистской это была демагогия», справедливо замечает Мартынов. Но чем же это было с его точки зрения, с точки зрения человека, уже не «одержимого программным доктринерством»? На этот вопрос мы ответа не получаем, но за то узнаем две отрадные вещи: во-первых, благодаря этой бесшабашной демагогии большевики «смогли в критический момент удержать власть», и, во-вторых, им удалось доказать, что Россия не есть «сплошная Обломовка». Это очень утешительно, но какое же это имеет отношение к вопросу, есть ли большевистская диктатура «режим насилия меньшинства над большинством» или нет? Ведь, и бонапартистской диктатуре удавалось демагогией «удерживать власть», и она отнюдь не страдала «рыхлостью и безволием»? В огороде бузина... Неужели-же Мартынов в самом деле так низко ценит партию, в которой сам так долго был, что думает сокрушить ее такими «аргументами»?

III.

Размеры нашего журнала не дают нам возможности продолжать подробно разбирать всю «аргументацию» Мартынова, блистательные образчики которой мы уже видели выше. Но на одном вопросе все же необходимо остановиться. Это — вопрос о терроре.

«Пролетарская диктатура ввела у нас режим террора», — так формулирует Мартынов наше обвинение по адресу большевиков. Формулировка — чуть-чуть «стилизованная», и притом стилизованная так, чтобы позволить Мартынову уклониться от ответа на существо вопроса. Мы никогда не приписывали режима террора пролетарской диктатуре, потому что никогда не отождествляли диктатуры большевистской партии, хотя и пролетарской в части своего состава, с диктатурой пролетариата, как класса. Наоборот, мы не переставали доказывать, что острие террористического режима направлено и против пролетариата, и чем дальше тем более и исклю-

чительнее против него. Поэтому Мартынов совершенно напрасно из кожи лезет вон, чтобы доказать, что пролетариат в большевистском терроре не повинен: он ломится в открытую дверь.

Но, чем менее повинен в терроре пролетариат, именем которого орудовала большевистская диктатура, тем более выдвигается вопрос о смысле и цели того террористического режима, на котором основала эта диктатура свое всевластие. Ибо речь не о целесообразности или нецелесообразности смертной казни, как устрашающего средства в эпоху гражданской войны; не о стихийных проявлениях мести, жестокости, зверства в солдатских, крестьянских и мелкобуржуазных движениях, но в данном случае совершенно побочных вопросах, которым Мартынов отводит страницу за страницей. Нет! Речь идет именно о режиме террора, о терроре, как средстве управления, практикуемом вот уже 5 лет, пережившем и эпоху наступления контр-революции, и эпоху ее полного разгрома, пережившем и гражданскую войну и «военный коммунизм», применяемом и сейчас, в эпоху внешнего и внутреннего мира, в эпоху «новой экономической политики», «хозяйственного рассчета», аренд, концессий и золотых займов, в эпоху, когда, по уверению Мартынова, даже будто бы «в деревне вновь воскресает старая дружба к советской власти» и при закрытом голосовании «огромное большинство крестьян голосовало бы за советскую власть».

Не о расправах солдат и матросов с офицерами, не об убийствах помещиков крестьянами и даже не об «эксцессах деклассированных элементов во время острой борьбы за хлеб» спрашиваем мы Мартынова. Мы спрашиваем его о расстрелах сотен офицеров и «буржуев» в Петербурге и тысяч «заложников» по всей России «по случаю» покушения на Ленина. Мы спрашиваем его о массовых избиениях офицерства и штатских граждан в Крыму после отвоевания его у Врангеля. Мы спрашиваем его о бесконечной веренице жертв, погибших за эти годы в застенках Ч. К. и Г. П. У. Мы спрашиваем его о десятках грузинских рабочих-социалистов, трупы которых еще не успели остыть в ту минуту, когда мы пишем эти строки. Мы спрашиваем его о кровавом фарсе так называемого «процесса с.-ров», о сотнях социалдемократов и тысячах рабочих, медленно, но верно гибнущих от голода и болезней в тюрьмах и подвалах большевистской охранки, в концентрационных лагерях, в гиблых местах ссылки. Что-же, и этих зверствах и гнусностях, систематически и хладнокровно творимых по приказам Дзержинских, Зиновьевых, Лацисов, Петерсов, Уншлихтов, Бела Кунов и прочих палачей, по планам, вырабатываемым Центральным Комитетом Р. К. П., с благословения Ленина и Троцкого, — в них тоже повинны «мелко-буржуазные союзники», крестьяне и мещане, армия и флот, деклассированные элементы, «втершиеся» в большевистскую армию?

Но, возражает Мартынов «слабонервным социалистам», посмотрите на такого «апостола гуманности», как Жан Жорес. «Кто был его любимым героем в французской революции? Дантон! Тот самый Дантон, который первый предложил Конвенту вступить на путь организованного террора и учредить грозный Революционный Трибунал»... Да, французская революция практиковала и считала необходимым режим террора, что не помешало такому «слабонервному социалисту», как Ф. Энгельс, характеризовать этот террор в одном из писем к Марксу, как массу жестокостей, в большинстве случаев совершенно бесполезных, творимых напуганными мещанами и выражающих лишь их собственный звериный страх за свою шкуру. Но вот — разница между террором французской революции и террором большевистским. Там террор возник в силу прямого требования тех добро-мещанских «патриотов» и «санкюлотов», на которых французская революция опиралась. И там Дантон не лицемерил, когда говорил, что «гуманность повелевает» учреждением Революционного Трибунала попытаться положить конец ужасному самосуду над «врагами свободы». У нас ничего подобного не было. У нас пролетариат, именем которого клялась большевистская партия, никогда не практиковал самосудов и никогда не требовал казней, которые неизменно вызывали в нем чувство отвращения. У нас не было и не могло быть пролетарской толпы, однородной с той толпой санкюлотской, которая творила сентябрьские убийства и вынуждала своих вождей «организовать» террор во имя «гуманности», чтобы постараться ввести его в рамки. У нас, наоборот, партия, прикрывавшаяся именем пролетараната и социализма, сверху несла проповедь кровавых расправ в пролетарские массы и практикою террора старалась развратить их. Если большевистский террор имеет сходство с террором французской революции, то только с террором последних месяцев правления Робеспьера, который тоже пытался «накормить» рабочих «казнями вместо хлеба» и тоже старался кровавыми оргиями «опьянить» народные массы, запугать всех недовольных, спаять своих сторонников круговой порукой соучастия — с тем террором, за борьбу с которым и сложил свою голову на эшафоте Дантон. Впрочем, террор эпохи нэп'а, террор в обстановке «красной» биржи, скачек, игорных домов, наглой, показной роскоши и разврата, — такой террор вообще не имеет исторических прецедентов: ни термидор, ни директория его не знали.

Вот, о чем следовало бы подумать счастливому обладателю «крепких нервов» прежде, чем делиться с меньшевиками своими поучительными «размышлениями». И тут, пожалуй, и впрямь уместно было вспомнить о «неистовом Виссарионе», об его знаменитом письме к Гоголю, ставшему апостолом кнута и апологетом нагайки...

Ф. Дан.

(Окончание следует).

Проблемы заработной платы

I.

Процесс падения заработной платы, ясно наметившийся в середине зимы 1921-22 г.*), весною 1922 г. приостановился и с середины лета в связи со значительным расширением сферы применения коллективных договоров заработная плата — особенно в промышленных предприятиях — начинает расти. Стремление рабочих к повышению своего жизненного уровня, нашедшее в известной мере свое выражение и в политике профсоюзов**), натолкнулось однако на упорное сопротивление хозяйственников, энергично борющихся за сохранение заработной платы на голодном уровне***). Основным аргументом «красных» поборников предпринимательской политики является указание на ограниченность ресурсов промышленности и на достижение заработной платой такого уровня, при котором она и сейчас поглощает громадный по сравнению с довоенным временем процент валовой продукции. Показательна в этом отношении напечатанная в «Экономической Жизни» от 25-го января статья А. Нольде: до войны по данным автора заработная плата поглощала в льнопромышленности 22 % всей стоимости продукции, да на прочие расходы на нужды рабочих (соц. страхование, коммунальные услуги и пр.) уходило 2—3 % стоимости продукции; вместо этих 25 % заработная плата в январе по «теоретическому» рассчету должна поглотить 34 % валовой продукции, да дополнительные расходы на нужды рабочих должны д... стигнуть 22 %, всего следовательно 56 % валовой продукции. Редакция «Экономической Жизни» (в передовой в том ... номере) оговаривает свое неполное согласие с автором, подчеркивая в то же время, что «статья тов. Нольде должна послужить образцом» и что «автор в целом методологически совершенно правильно подходит» к вопросу. Как должен был смеяться в своем кабинете фактический руководитель льноправления «тов. Нольде» (бывший до революции — в качестве барона Нольде — одним из руководителей общества фабрикантов-льнопромышленников) над дурачками из редакции «Экономической Жизни»! Он-то, конечно, не даром ограничивается «теоретическим» рассчетом, так как ему хорошо известно, что не на теоретических высотах, а в неприкрашенной действительности дело обстоит совсем иначе: по данным экономическо-статистической секции госплана на фабриках 1-го льноправления заработная плата за декабрь 1922 г. ...

*) См. «Соц.-полит. обозрение» в № 18 «Соц. Вест.» за 1922 г.

**) На состоявшейся в сентябре 1922 г. тарифно-экономической конференции металлистов докладчик Ц. К. союза откровенно заявил: «задача повышения среднего заработка диктуется не только абсолютно низким заработком металлистов, а также и тем, что к этому союз все равно будет вынужден массовым движением» («Труд» от 15 ... сентября).

***) См. нашу ст. «Красные промышленники» в № 3 «Соц. Вест.» за текущий год.

ставила лишь 19,2 % валовой продукции («Труд» от 20-го февраля).

Доля валовой продукции льнопромышленности, поглощаемая заработной платой, таким образом не только не возросла по сравнению с довоенным временем, но даже уменьшилась. В других отраслях промышленности это падение еще значительнее. По данным экономическо-статистической секции госплана доля заработной платы в валовой продукции по 16 отраслям производства за первые 9 месяцев достигла 8,4 %; до войны же соответственная цифра была ровно в 1½ раз больше, достигая по данным Варзара 12,6 % («Труд» от 15-го февраля). В металлической промышленности Павловского района расход на производственную заработную плату составлял до войны 35 % всех расходов, теперь же он достигает всего 14 % («Труд» от 3-го февраля). В сталелитейном цехе Сормовского завода расход на прямую заработную плату достигал на пуд изделий до войны 4 коп., теперь же достигает лишь 2,6 коп. (там же).

Если предприятия все же не сводят концов с концами, то отнюдь не потому, что рабочие получают слишком много, а вследствие исключительно бесхозяйственной постановки предприятий и громадного роста непроизводительных, накладных расходов. В другом месте («Соц. Вест.» № 3 за текущий год, стр. 9) мы уже иллюстрировали это положение рядом фактов. Отметим еще здесь, что напр. на Сормовском заводе, несмотря на уменьшение числа производственных рабочих с 1913 до 1922 г. г. с 6496 до 3708, число вспомогательных рабочих возросло с 4187 до 6121 и число служащих с 1230 до 2188 («Труд» от 3-го февраля), т. е. на каждых 100 производственных рабочих приходится теперь 224,1 вспомогательных рабочих и служащих вместо 83,4 до войны (там же). И ведь это только на заводе, т. е. здесь не приняты во внимание многочисленные кадры служащих в органах управления металлопромышленностью и промышленностью вообще. По данным союза деревообделочников рабочие составляют в союзе лишь 64 % и 36 % составляют служащие, огромное большинство которых «сосредоточено не в самом производстве, а в аппаратах хозорганов («Тр.» от 20-го февраля). В Павловском тресте одни торговые расходы поглощают 40 % стоимости продукции («Труд» от 3-го февраля). Нужно ли удивляться, что при такой блестящей постановке дела трест продает перочинные ножи по 85½ мил. за дюжину, а кустари по 42 мил., что топор фабричного производства стоит 15 мил., а кустарь продает его за 1½ мил. (там же)?

Может быть, однако, дешевизна товаров кустарного производства об'ясняется еще более тяжелым расхищением здесь рабочей силы? Но то же явление мы наблюдаем и в других областях. Частная промышленность вообще производит у нас дешевле, чем государственная, хотя заработная плата в частных предприятиях, как общее правило, выше*).

Для иллюстрации последнего положения мы ограничимся лишь несколькими примерами, заимствованными из «Труда» за последний месяц. Декабрьская тарифная ставка металлистов в частных предприятиях составляла в Нижегородской губ. 117,6 % ставки государственных предприятий, в Екатеринбургской 120,5 %, в Екатеринославской 124,8 %, в Харьковской 162,5 %, в Петроградской 166,1 % и только в Московской 99,8 % (исчислено по абсолютным данным, приведенным в «Труде» от 16-го февраля). У швейников по всей стране ставки в частных предприятиях превышают в среднем на 65 % ставки в государственных предприятиях (исчислено по «Тр» от 6-го марта). В Гомельской губ. металлисты в частных предприятиях получают на 9 % больше, чем в госуд. предприятиях, швейники 8—14 %, пищевики 16 %, кожевники 13—60 %, печатники 24—25 %, деревообделочники 25 %, строительные рабочие (по большинству профессий) 25—33 %: в союзе народного питания эта разница колеблется даже от 16 до 214 %, в союзе совработников 85 до 525 % («Тр». от 11 и 13-го февраля**).

*) На с'езде швейников в докладе о деятельности швейного синдиката Озол отметил, что «морскому ведомству частные предприниматели предлагали изготовить обмундирование чуть ли не втрое дешевле той цены, какую мог назначить синдикат» («Тр.» от 4-го марта).

**) Не лишено интереса, что, отстаивая более высокую заработную плату в частных предприятиях, союзные бюрократы и органы наркомтруда действуют иногда не без задней мысли. «Нельзя ни на одну минуту(!) забывать», пишет в «Труде» (от 28-го февраля) наркомтруд Белоруссии Надель, «что наша работа по охране труда (то же, конечно, должно относиться и к политике заработной платы — С. Ш.) в частных предприятиях... в довольно значительной степени играла роль защитника государственной промышленности, ставя нашу государственную промышленность в лучшие условия по сравнению с частными предприятиями».

II.

Для того, чтобы ориентироваться в вопросе об уровне и о движении у нас заработной платы, необходимо подвергнуть критической оценке принятый у нас метод исчисления реальной заработной платы. До середины 1922 г. денежная заработная плата, как общее правило, исчислялась в советских рублях и лишена была поэтому всякой устойчивости. В 1922 г. сохранение этого порядка стало просто невозможным: постепенная ликвидация натурального снабжения, обеспечивавшего в определенных — правда, жалких — пределах реальную заработную плату, отмена бесплатности т. н. коммунальных услуг и головокружительная, даже у нас совершенно небывалая быстрота обесценения бумажных денег*) поставили ребром вопрос об исчислении заработной платы в реальных единицах. Процесс внедрения в систему оплаты труда элементов реальной заработной платы, возник и нарастал стихийно и привел к созданию очень пестрой картины, найдя, наконец, свое завершение в постановлении 5-го Всероссийского с'езда профсоюзов (сентябрь 1922 г.) о необходимости «установить общую единицу исчисления, гарантирующую заработную плату от беспрерывных колебаний рыночных цен и дающую возможность наиболее простого сравнения настоящего уровня с довоенной заработной платой» (п. 6 резолюции о тарифно-экономической работе профсоюзов). Установление такой «нормальной единицы исчисления заработной платы» с'езд поручил ВЦСПС, который предложил считать такой единицей т. н. довоенный товарный рубль, исчисляемый по бюджетному индексу госплана (см. цирк. ВЦСПС в «Труде» от 14-го октября).

В основу исчисления в современных денежных знаках довоенного товарного рубля положено сравнение современной стоимости определенного набора товаров**) с довоенной стоимостью его. Набор этот по рассчету госплана стоил в Москве в 1913 г. 10 рублей, в среднем по России 7 р. 39 к.***). Но уже этот рассчет вызывает серьезные сомнения. У нас нет данных о довоенных ценах в Москве, но средние довоенные цены по России, по которым произведен рассчет госплана, приведены в только что цитированной статье. Многие из них не вызывают сомнений, другие же, повидимому, преувеличены. Так более чем сомнительно, что бы средняя цена пуда ржаной муки в стране до войны достигала 96 к., чтобы средняя цена пшеничной муки равнялась 1 р. 84 к. за пуд, картофеля 32 к. за пуд, растительного масла 14,7 к. за фунт. И это в среднем в стране, а отнюдь не для Москвы, где цены на продукты питания, по рассчетам госплана, были на 37,8 % выше средних по России****).

Для того, чтобы исчисление по бюджетному индексу довоенного товарного рубля в современных денежных знаках отвечало действительности, необходимо далее принять во внимание и ухудшение качества многих товаров. Было бы нелепостью сравнивать среднюю цену современного товара плохого качества со средней довоенной ценой того же товара, но лучшего качества. Момент этот при исчислении бюджетного индекса госплана однако совершенно не прини-

*) В течение всего 1918 г. цены в центральной России увеличились в 4,4 раза, в течение 1919 г. в 16,3 раза, в течение 1920 г. в 7,7 раза, в течение 1921 г. в 15,4 раза, в том числе за первые 10 месяцев 1921 г. в 5,7 раза; но за 6 месяцев ноябрь 1921—апрель 1922 г. цены увеличились в 42,8 раза, в том числе за 4 мес. 1922 г в 15,7 раза («Вест. Труда» 1922, июнь, стр. 28). В мае рост цен замедлился и лето было периодом относительного затишья, но с сентября обесценение бумажных денег опять приняло грозный характер; см. ниже в тексте.

**) Так как рост цен на различные товары далеко не одинаков, то при исчислении довоенного товарного рубля огромное значение имеет набор товаров, по которому производится рассчет: чем выше в наборе доля наиболее поднявшихся в цене товаров, тем выше в современных денежных знаках размер довоенного товарного рубля и тем благоприятнее положение рабочих, получающих по этому рассчету заработную плату. В какой мере с этой точки зрения бюджетный набор госплана соответствует современному рабочему бюджету, мы за отсутствием материалов лишены возможности проследить. Отметим лишь, что в «Труде» (от 8-го февраля) в дискуссионном порядке набор этот именно с этой стороны вызвал против себя ряд возражений (ст. В. Конторовича).

***) О бюджетном наборе госплана см. М. Кохн «Движение цен и тарифная политика» в «Материалах по стат. труда», вып. 14, стр. 29—40.

****) Насколько ненадежны рассчеты госплана, можно судить в частности по тому, что стоимость всего набора в среднем по России исчислена здесь в 7 р. 39 к., между тем как точный подсчет даже по ценам госплана дает лишь 7 р. 33,15 к.

мается во внимание и, например, средняя стоимость аршина сукна, которое 1-го июля 1922 г. стоило 3 735 963 р. за аршин (см. Кохн, стр. 40), показана при исчислении стоимости довоенного набора, равной 2 р. 24½ к.

Но как ни велико значение всех этих моментов, оно совершенно отступает на задний план перед вопросом о значении срока исчисления стоимости бюджетного набора. При быстром обесценении денежных знаков исчисление заработной платы в довоенных товарных рублях должно было бы по возможности совпадать с моментом выдачи заработной платы. Фактически даже и в этом случае рабочий не получает договоренной реальной заработной платы, так как он не может немедленно израсходовать весь заработок и до следующей получки уже не делать никаких расходов; всякая же отсрочка в израсходовании полученных им бумажных денег означает их обесценение, т. е. снижение реального заработка рабочего. Но это уже неустранимое явление, с которым приходится мириться; значение его в большинстве случаев к тому же невелико.

Как же обстоит вопрос о сроке исчисления стоимости бюджетного набора?

Октябрьский циркуляр ВЦСПС (см. выше) устанавливает, что исчисление стоимости бюджетного набора производится, «как это установлено договором, — на 1—15 или последнее число данного месяца или к моменту уплаты жалованья». Но как это устанавливается договорами, до недавнего времени в печати обходилось молчанием. В последнее время мы однако узнаем, что напр. в Петрограде по большинству договоров исчисление товарного рубля производится на 1-ое и 15-ое число оплачиваемого месяца, между тем как заработная плата (в промышленности) выдается — если выдается в срок! — 18-го оплачиваемого и 5-го и 18-го следующего месяца («Тр.» от 8-го марта). В Донбассе заработная плата горнорабочих исчисляется на 15-ое число оплачиваемого месяца и «в лучшем случае фактически выплачивается рабочим с опозданием на месяц» («Тр.» от 27-го февраля). По итоговым данным о коллективных договорах, заключенных в течение января с. г. харьковскими союзами*), заработная плата за январь устанавливается по ценам на 1-ое января у кожевников, швейников, печатников, работников народного просвещения и местного транспорта и по части договоров деревообделочников и работников земли и леса, — по ценам 1 и 15 января у металлистов (в частных предприятиях иначе: см. ниже) и по остальным договорам деревообделочников и работников земли и леса, — и по ценам на 15 января у пищевиков («Тр.» от 21-го февраля). Нет ни одного государственного предприятия, в котором заработная плата на январь исчислялась бы по ценам на 1-ое февраля. Но «практика доказывает, что выплата (заработной платы) производится в подавляющей своей части в начале, середине и в конце следующего месяца» («Тр.» от 9-го февраля), т. е. в среднем на месяц позже того срока, к какому исчисляется заработная плата. Для того, чтобы читатель мог составить себе представление о значении этого метода исчисления заработной платы, отметим, что стоимость бюджетного набора госплана увеличилась за сентябрь на 22,7 %, за октябрь на 57,4 %, за ноябрь на 42,2 %, за декабрь на 29,3 %, за январь на 30,3 % (исчислено по абсолютным данным в «Тр.» от 24-го февраля).

Характерна капитуляция в этом вопросе ВЦСПС перед наступающими хозорганами. Выше мы видели, как робко вопрос о сроке исчисления товарного индекса поставлен в октябрьском циркуляре ВЦСПС. К декабрьскому пленуму вопрос о значении срока исчисления индекса, если не в печати, то в практике уже вполне выяснился. Но пленум ограничился по этому вопросу прямо жалким постановлением: «Считая необходимым приблизить определение стоимости товарного рубля к срокам расплаты, ВЦСПС рекомендует перейти в заключаемых вновь договорах к исчислению стоимости товарного рубля не позже, чем на 15 число каждого текущего (т. е. оплачиваемого — С. Ш.) месяца» («Тр.» от 26-го декабря). Но нажим со стороны хозяйственников продолжается, и в феврале ВЦСПС совместно с ВСНХ выпускает циркуляр, в котором предлагает исчислять стоимость набора продуктов «примерно на 15-ое число» оплачиваемого месяца («Тр.» от 24-го февраля).

Действительная реальная заработная плата оказывается таким образом значительно ниже договоренной, которая — это звучит парадоксом — превращается лишь в номинальную реальную плату. И союзы сознательно покрывают этот обман, стремясь создать у рабочих ложное представление о высоте получаемой ими заработной платы. Замечательно, что те же союзы по отношению к частным предприятиям, где для такой фальсификации менее оснований, нередко устанавливают в договорах исчисление индекса применительно к более позднему сроку. Так союз металлистов в Харькове, устанавливающий по договорам с государственными придприятиями исчисление январской заработной платы применительно к ценам на 1 и 15 января, по договорам с частными предпринимателями устанавливает сроки исчисления индекса — 15-ое число оплачиваемого и 1-ое число следующего месяца («Тр.» от 21-го февраля).

Заработная плата в довоенных товарных рублях исчислялась до января с. г. применительно к местным довоенным ценам. Это исчисление имело свои крупные недочеты, так как соотношение местных цен сейчас резко отличается от довоенных соотношений. В январе ВЦСПС постановил поэтому перейти к исчислению заработной платы в единообразных довоенных товарных рублях, но в основу исчисления такого товарного рубля кладутся не средние довоенные цены по всей стране, а московские цены («Тр.» от 17-го января), которые выше средних на 35,3 %*). Таким образом и тут мы видим ту же тенденцию создать фикцию приближения заработной платы к довоенному уровню, скрыть от рабочих действительное положение вещей.

(Окончание следует.)

С. Шварц.

*) Такой обзор с указанием сроков исчисления товарного рубля мы встречаем в печати впервые.

*) Если стоимость до войны бюджетного набора в среднем принимать равной 7 р. 39 к.: при средней стоимости набора 7 р. 33,15 к. (см. выше) разница между московскими и средними ценами возрастает до 36,4 %.

По России

Москва. Перед XII с'ездом Р. К. П.

«Правда» торжественно заявляет, что разногласий нет — и «на Шипке все спокойно». Действительно, пленум Ц. К. Р. К. П. прошел без раскола. Тут нет ничего удивительного. Камарилья столковалась. Зато все множатся признаки расслоения не официальных органов партии, и выявляются они «непартийными» методами: подпольные документы на машинке (страницы «Правды» для них закрыты). Кроме декларации «Рабочей Правды» появился документ еще другой группы, менее радикальной, но не менее резко критикующей партийный режим. Документ этот о рабочем классе, об общей политике ничего не говорит и спасение видит в «свободе» внутри Р. К. П. В этом его политическая ограниченность, по сравнению с «Рабочей Правдой». Но он достаточно резко разоблачает внутрипартийный террор, практикуемое подавление всякой свободы мысли в парт. ком. среде, развивающееся имущественное неравенство, затем кумовство, привилегии и бюрократизм... Авторы документа требуют удаления из Ц. К. лиц, наиболее себя скомпрометировавших в смысле бюрократического поведения и насилий над внутрипартийной «свободой»: Зиновьева, Сталина и Каменева. Все это звучит довольно смело. Передают, что выпущена еще записка «левых», определенно синдикалистского уклона, требующая не только свободы внутри партии, но и восстановления пролетарской демократии.

Так перед XII с'ездом Р. К. П. развертывается нелегальная, но достаточно живая дискуссия — в то время, когда на страницах «Правды» борзописцы делают вид, что ведут дискуссию... о «гениальных» проектах Ленина о Р. К. П...

Провокация продолжается.

Мы сообщали в прошлом номере о приезде некоего бывшего с.-р. Короткова в Сормово с мандатом на созыв легального с'езда старых с.-р-ов. В Москве, оказывается, создано Орг. Бюро по созыву этого с'езда из 10 человек. Его делегаты посетили ряд рабочих центров, в частности, были на Урале. В Сормове некоторые с.-р. рабочие начали собираться и обсуждать поставленные вопросы, но были очень смущены: рабочий, который выгнал Короткова из своей квартиры, оказался арестованным. На собрание приходил агент ГПУ и т. д. Решили ехать в Москву и все разузнать на месте. Начальство им дало денег на дорогу. В Москве нашли они это Орг. Бюро — как рассказывают — 9 «бывших полковников» и 1 уральский рабочий. О последнем один, хорошо осведомленный «доброжелатель», рассказал им: „Ребята, вот что скажу вам

ны чистоту. Почему этот рабочий здесь? Был приговорен он к расстрелу — и этим спас себе жизнь! А дело тут такое: провокация, хотят через Вас грязью еще раз забросать заграничников и осужденных. Не суйтесь в это грязное дело!..» Рабочие уехали назад. На местах, где побывали агенты пресловутой «десятки», страшное смущение. Рабочие чувствуют, что делается неслыханно грязное дело.

От ред. По сообщениям советской печати, пресловутый провокационный «с'езд» уже состоялся.

Советская общественность.

Пятилетие существования ВСНХ было ознаменовано созывом всероссийского совещания промышленности и транспорта. С'ехались представители синдикатов и трестов — «живые силы» советской общественности.

На торжестве пятилетия было бесконечное множество казенных приветствий и пожеланий, были яркокрасные штаны гвардейцев ГПУ, нагнанных целой ротой на эстраду президиума, были 6-ти—7-милетние девочки, которые бессмысленно, под бдительным взором классных дам, пели интернационал, были пролетарские Гельцер и Собинов. Сплошной «гром победы раздавайся»!

Не было только ни одного независимого, честного голоса, который бы вслух сказал то, что думали и чувствовали все.

Пять лет тому назад был создан Высший Совет Народного Хозяйства, как прообраз социалистического управления народным хозяйством. Это было — не министерство промышленности и торговли, не комиссариат промышленности и торговли даже. Это был именно Высший Совет Народного Хозяйства, в котором должны были сойтись все нити национализированной промышленности и транспорта, в который должен был явить миру чудо возрождения страны методами большевистского коммунистического хозяйства.

Прошло пять лет. И что ж? — Каждые две-три недели ВСНХ стучится в двери Политбюро — диктаторской кучки на Воздвиженке или в Кремле — с просьбой преобразовать его в обычный комиссариат, причем для ясности говорят, что речь идет о некоем подобии министерства промышленности и торговли. Пять лет понадобилось на то, чтобы проделать этот крестный путь от совета до фактического комиссариата, — путь, усеянный страданиями русских рабочих, руинами русских фабрик и заводов, лохмотьями некогда величественных, а теперь выцветших и полинявших идей. Никакого социалистического управления! Тресты и синдикаты выскользнули из-под крыла ВСНХ. За ним осталось только «регулирование». Вот главный итог пятилетия. А между тем, о нем не заикнулся ни один казенный оратор, ни одна из газет в советских намордниках.

Есть еще и другой итог, о котором тоже красноречиво молчали все говорившие и писавшие. Из 560 миллионов рублей, в какие оценивался в начале 22 года оборотный капитал нашей национализированной госпромышленности, за один только последние 10 месяцев, с'едено безвозвратно 200 миллионов, т. е. больше ⅓. Это шило выскочило из мешка на докладе Милютина в Деловом клубе и неосторожно попало в печать. Всколыхнулись хозяйственники. Назначили специальную комиссию для проверки этого итога. Стали отыскивать, как это произошло. Одни находят, что просто разбазарили, проторговались. Другие утверждают, что ценности эти были ухлопаны на содержание армии и на транспорт. Так или иначе, но факт тот, что за 10 месяцев ухнуло 35% оборотного капитала государственной промышленности.

На какой же срок ее хватит, если мы и дальше будем идти таким же темпом? —

Из деликатности никто не предложил этого вопроса в упор ни на блестящем вечере в колонном зале Дома Союзов, залитом электрическими огнями, ни в будничной работе совещания — на его пленуме и в секциях.

Что было продемонстрировано с исчерпывающей полнотой — так это органическое, кровное единение с Че-кой. Парад войскам ГПУ перед фронтом ВСНХ, комплименты ГПУ на торжестве, подарки от ГПУ ВСНХ и, наконец, речь Уншлихта, откровенно призвавшего хозяйственные организации к постоянному и тесному сотрудничеству с ним — «во избежание неприятностей», как он скромно пояснил.

— «Мы помогаем вам — сказал Уншлихт — мы наших наиболее ответственных работников посылаем в правления ваших трестов. Платите же и вы нам той же монетой. Свяжитесь с нами».

«Народ» ответил на это гнусное предложение безмолвием. Но положение спас... оркестр, грянувший интернационал. Все шло прекрасно.

А когда на следующий день надо было приступить к деловой работе, то оказалось, что ни одна из секций, ни даже сам пленум не могут собрать и горсточки делегатов, и что повсюду всю советскую общественность представляют одни только добросовестные чиновники ВСНХ. Они читали доклады друг другу, делали вид, что спорят о резолюциях, честно зарабатывали свой советский кусок хлеба.

Мы — делегаты с мест — не ждали особо многого от с'езда. Все же мы полагали, что услышим на нем хотя бы мнение руководящих кругов ВСНХ, и что, с другой стороны, хотя бы немножко поинтересуются и нашим мнением.

Увы! От ВСНХ ни одного членораздельного звука услышать не пришлось. Одни члены президиума за Совет С'ездов Промышленности и Транспорта, другие — за Совет Синдикатов, третьи — и против того и против другого, боясь, что с учреждением этих новых организаций ВСНХ все потеряет, а в различных советах создастся низовая «оппозиция».

Как поднять промышленность? Как заткнуть зияющую дыру?

— Ни одной мысли, ни одного свежего слова по этим вопросам не было высказано на совещании.

Да и что говорить?

Ни один просто уважающий себя человек не мог и не должен был и рта раскрыть, ибо всем было прекрасно известно, что в то самое время, как на экране Дома Союзов движутся с'ездовские китайские тени, беззвучно шевеля губами, — где то там, за высокой стеной, заседает всемогущий ЦК, который — и за с'езд и за всю Россию — решает все вопросы.

ВСНХ хотел по своему наметить решение вопросов внешней торговли и крупной промышленности, а ЦК наплевал на ВСНХ. Получился кризис кабинета — с прошением об отставке всего президиума.

Но кто слушает этих жалких чиновников? Кому есть охота хотя-бы только прочитать их прошение об отставке?

Придет время — уберут кого надо откуда надо. А покуда не убирают — сиди и управляй по директивам, какие дадут.

Да — печальный это был с'езд. Очень много трескотни, военщины и Г. П. У.-щины — в начале, и огромная, зияющая пустота — в конце.

Мурза-Хан.

Карьера коммуниста.

19—20 декабря минувшего года в особой сессии совнарсуда в Москве рассматривалось любопытное дело, дающее портрет одного молодого, но «славного» спасителя советского отечества. Хотя дело рассматривалось при открытых дверях, отчет об этом процессе до сих пор не дан в советской прессе. Не иначе как имя и положение главного героя процесса заставили советского цензора стыдливо закрыть от глаз многочисленных читателей-чекистов и партработников соблазнительные похождения вчерашнего их товарища.

На скамье подсудимых — два молодых «героя» красной армии: Гетлинг и Кичин. Оба по происхождению дворяне, да это видно и по их красивым, выхоленным, породистым лицам и осанке. Первому — 17 лет, второму — 18 лет. В момент совершения преступления Гетлингу было 16 лет с несколькими месяцами, Кичину — 17 лет с несколькими месяцами. Гетлинг с малолетства кокаинист. Двенадцати лет, пробираясь в стан «белых», был пойман «красными» и... сделал головокружительную для мальчишки-дворянина карьеру в красной армии. За четыре года он успел быть и членом коллегии Особого Отдела (ЧК на фронте), и членом коллегии политуправления дивизии и еще в каких-то высоких чинах, спасая все время дорогую ему советскую власть. До момента совершения преступления он состоял членом РКП (именно — Р. К. П., а не Р. К. С. М.). Что касается Кичина, то он много скромнее своего великого товарища. Он — беспартийный и по положению только курсант московской кавалерийской школы.

Оба обвинялись в том, что, познакомившись в Москве с молодой, 21 года, женщиной, стали бывать у нее и, после нескольких посещений, убили ее и ограбили у нея несколько дешевых колец и платьев. Дело слушалось вторично по протесту прокурорской власти, оставшейся недовольной чрезвычайно мягким приговором (два года заключения).

На суде подсудимые, особенно Гетлинг, держали себя с поразительным хладнокровием, с невероятным цинизмом и большой развязностью. Они не только не отрицали факта убийства и ограбления, но своими циничными показаниями помогли суду разобраться в некоторых интимных моментах, озадачивших медицинскую экспертизу и заставивших ее предполагать, что до совершения убийства имело место изнасилование.

Суд приговорил обоих к восьми годам заключения, применив к ним амнистию и время предварительного заключения. В конечном итоге им остается отсидеть два года с чем то.

За тем же Гетлингом числится еще одно «геройское» дело: ограбление извозчика с нанесением ему тяжелых увечий. Это «славное дело» совершено уже с другим товарищем, Поповым. Является-ли Попов членом РКП или РКСМ, нам пока неизвестно.

Наблюдатель.

Москва. Обыски и аресты.

Снова произошли обыски и несколько арестов по подозрению в принадлежности к Р. С. Д. Р. П.

Москва, Расправа с Б. О. Богдановым.

Б. О. Богданов, имевший уже разрешение на выезд заграницу, был внезапно схвачен на улице агентами Г. П. Ч. и немедленно отправлен на 2 года в Петраминский концентрационный лагерь (Арханг. губ.).

Не тронь меня!

В психиатрической клинике при 3 московском университете проф. Любошин и ординатор д-р Гулинер демонстрировали перед студентами больного чекиста, садиста, известного своими жестокостями... Это даром не сошло. Проф. Любошин и д-р Гулинер высылаются в Туруханский край. История болезни забрана ГПУ. И самого чекиста перевели неизвестно куда.

Кого разит карающий меч?

Судя по секретному отчету одесской Ч. К., этот «боевой орган диктатуры труда» за время с 8 февраля 1920 по 8 февраля 1921 г. «судил» 3675 человек, которые по социальному положению распределяются следующим образом: нетрудовой элемент 48,6 % (1786 чел.) и трудящихся 51,4 %, в том числе рабочих и крестьян — 1247 человек или 34,1 %, служащих — 542 человека или 15 %, красноармейцев 83 чел. или 2,3 %.

Тот же отчет сообщает, что с 8 февр. 1920 года по 8 февр. 1921 г. ОГПУ было отправлено в «гараж», т. е. расстреляно, 1418 чел. Это — за один год в одной Одессе!

Вологда. Местные дела и настроения.

В ноябре у нас происходили выборы месткома железнодорожного депо. Чтобы овладеть им, коммунисты мобилизовали все свои «аргументы». Была попытка организации дела о «преступной» деятельности месткома, выставившего нежелательный для властей список кандидатов в совет. Дело не создали, но многих из подписавших список все же уволили.

На выборах месткома выступал председатель учкпрофсожа Петухов. В своей речи он требовал не выбирать прежнего председателя Ткачева, аргументируя между прочим тем, чт он, дескать, не в ладах с комиссаром участка Волковым, а посему такие выборы будут рабочим только в убыток. Но рабочие иначе понимали свои интересы и, ценя независимость своего месткома, снова выбрали Ткачева.

Г. П. У. работает у нас во всю. По его требованию, «неблагонадежные» увольняются из различных учреждений. Официальный мотив — сокращение штатов, но должности увольняемых почему-то всегда продолжают сохраняться.

В губпродкоме и заготконторе раскрыли панаму с получением продналога по подложным квитанциям. Произведены многочисленные аресты. Аресты произошли также и в военкоме. Причина: взятки сотрудников.

Местное учительство инструктируется. Его заставляют слушать курс лекций. При этом посещаемость, конечно, регистрируется кем следует. Меньшевикам не мало на этих лекциях «попадает». Так, Булатов в своей лекции о войне и экономическом положении говорит: они (меньшевики) заявляют, что экономический базис не соответствует в Совреспублике политической надстройке. — Ну, а разве при царе он соответствовал, а в Англии он соответствует?.. Болтают они много, вот поэтому то часть из них посадили в тюрьму, часть выслали».

Был у нас процесс Парчина (бывший тов. председателя северосоюза). Процесс этот является отголоском нашумевшего в свое время процесса о «Вельском восстании», суть которого сводилась к тому, что группа крестьян во главе с их односельчанами, безграмотным Пятышевым и секретарем райсоюза Киселевым, спровоцированными чекистскими провокаторами, Кашиным и Леонтьевым, предстали пред Г. Р. Т. в качестве организаторов вооруженного восстания. В результате Киселев был приговорен к расстрелу, а Пятышев к 3 годам тюрьмы; провокаторы-же, Леонтьев и Кашин, выдававшие себя за членов М. И. С. Р. «Народ», и поныне гуляют на свободе. Парчин выступил с гласным разоблачением провокации. В результате — обвинение в «дискредитировании» Г. П. У., арест до суда, обыски у ряда лиц. Теперь Парчин приговорен к высылке.

В политическом отношении застой и запуганность. Особенно труслива чиновничество, более или менее сносно устроившееся. В области экономической борьбы наблюдается среди рабочих развязывание настроений в сторону активной самозащиты. Выражается это в ряде конфликтов, правда, мелких, на почве зарплаты. За этот год были всего две забастовки: одна в мае на лесном заводе в уезде (5 дней) и другая в июле у театральных работников в Вологде (продолжительностью один день или даже полдня).

Ташкент. Насилия над ссыльными.

Ссыльные отказались добровольно подчиниться постановлению Г. П. Ч. о высылке из Ташкента и расселении по отдаленным местам Туркестана. После этого предназначенных к выселению стали арестовывать и группами отправлять в разных направлениях: Асхабад, Самарканд, Коканд. Оставшиеся провожали уезжающих товарищей с пением революционных песен.

Чита. — Арест.

Арестован тов. И. Н. Ахматов.

Рабочая жизнь

Сормовский завод.

Борьба за своевременную выплату заработной платы.

Согласно тарифного соглашения, заключенного между Ц. К. Металлистов и «Гомзой», заработная плата должна выдаваться за первую половину месяца не позднее 25 числа данного мес. и за вторую не позднее 10 числа следующего месяца. Но одно дело тарифное соглашение, другое «хозяйская возможность» «красных» директоров. Прошло 15 декабря, о выдаче получки не слышно. Рабочие вышли из терпения, начали собираться по цехам, ведя суждения о невыдаче получки. Завком, разнюхав о нарастающем недовольстве рабочих, созвал делегатское собрание, которое было весьма бурным. Завком обещал принять в четырехдневный срок все меры к выдаче получки. Срок, обещанный завкомом, истек, рабочие стали сильнее волноваться, тогда завком снова собрал делегатское собрание. На этом делегатском собрании присутствовало около 70 делегатов из общего числа 160, рабочих же не делегатов присутствовало до 800 человек. На собрании были налицо все профессиональные и партийные «знаменитости» здешних мест. Завком доложил, что о получении денег ничего не слышно, что советская власть находится в финансовом затруднении, поэтому рабочие должны мирно ожидать денег из центра, к тому же Ц. К. металлистов и РКП. «нажимают» где возможно. По выслушании такого доклада из среды присутствующих рабочих пронесся гул недовольства и протеста. Выступавшие беспартийные делегаты указывали, что государственный капитализм угнетает рабочих сильнее частного, и для защиты своих прав и в знак протеста предлагали об'явить однодневную забастовку. Против выступления беспартийных коммунисты и их чиновники подняли вой, доказывая на все лады, что забастовка не даст ничего, что она в социалистической республике вредна и профсоюзы санкционировать ее не могут. Голосование вопроса о забастовке производилось несколько раз, в конце концов председатель завкома об'явил, что большинство против. В голосовании между прочим принимали участие некоторые коммунисты, неделегаты. После такого об'явленного результата со стороны присутствующих рабочих поднялся шум и протесты, в результате которых к резолюции пристегнули, что для окончательного разрешения вопроса о забастовке завком созовет общезаводский митинг, до решения же последнего в силу профдисциплины всякие выступления будут считаться антипрофессиональными. На другой день с утра по заводу началось волнение рабочих, а многие цеха и вовсе приостановили работу. Такое стихийное движение сильно подействовало на власть имущих, им не помогли их «комячейки», и за полчаса до гудка было созвано общее собрание, на котором присутствовало около 2 000 рабочих. Завком стянул все свои «силы», начиная с заместителя предгубисполкома, который, выступая на собрании, щегольнул своим «высоким» положением, сравнив свое положение с прежним губернаторским. Собрание название «губернатор» подхватило и подтвердило криками: «губернатор, верно, правильно, губернатор» и т. д., на что спохватившийся «красный» (от злости «губернатор» внушительно, как подобает губернатору, рекомендовал рабочим вести себя, помня, что «разговор серебро, а молчание золото». Не обошлось собрание и без представительства вездесущего бдительного ока Г. П. У. Все профессиональные чиновники с представителями партии и прочих власти в один голос доказывали рабочим, что забастовка может, по их словам, принести только вред, и что меры к выдаче получки принимаются. — даже на ноги поставили «сам» Ц. К. Р. К. П. Когда же оказалось, что приводимые доводы не возымели надлежащего действия на рабочих, то было уже заявлено решительно, что союзные органы

не санкционируют забастовки, а если она будет, то профсоюзы всячески будут ей противодействовать. Рабочие недружелюбно относились к слащавым речам чиновников: «губернатора» Сенцова, председателя губпрофсовета Кутузова и др., а некоторым и вовсе не давали говорить: особенно поднималась буря протестов, когда чиновники, распоясываясь, пытались обливать помоями социал-демократию и эс-эров. Речи же беспартийных выслушивались с большим вниманием. В результате вопрос о забастовке голосовался два раза. При первом голосовании большинство оказалось воздержавшихся, при втором почти тоже самое, в особенности воздерживалась середина и места наиболее освещенные, которые были доступны глазу властей, находившихся на трибуне и зорко наблюдавших за поднятием рук. Предзавком, подсчитывая голоса, «с птичьего полета», заявил, что за забастовку меньшинство. Раздались протесты, но было поздно; предзавком, скороговоркой об'явив результат голосования, об'явил собрание закрытым.

Несмотря на такой «результат» голосования, чиновники сильно взволновались начавшимся движением рабочих. Пущены были в ход все уловки «ком'ищеек», в результате у ряда работников завода были произведены обыски.

Протест возымел свое действие. 29 декабря уплатили за ноябрь, а 6-го января выдали авансом за 1-ю половину декабря.

Рабочие на основании жизненных уроков все больше и больше убеждаются в том, что необходимо раскрепостить профсоюзы от большевистской кабалы, взяв их в свои руки, превратить в свои рабочие классовые организации, способные вести борьбу за интересы пролетариата против наседающего государственного и частного капитализма.

Новому завкому путь расчищают.

На Сормовском заводе срок полномочий завкома окончился 15 ноября 22 г., к каковому времени должны были быть произведены перевыборы, но оказалось, что для управителей данного состава завкома перевыборы в срок не выгодны. Поэтому были отложены они до 20 января 23 г., а теперь уже и этот срок прошел и неизвестно, когда будут выборы. Оказывается, что препятствием к назначению перевыборов служил — «нерасчищенный путь». Расчистку начали в декабре прошлого года; в ней участвовали, как первичные органы — Г. П. У., цеховые коммунисты и прочие блюстители порядка из коммунистического лагеря. В «расчистке» пути было полное единение «красного» Чугурина с завкомом, райкомом металлистов, Г. П. У. и губкомом Р. К. П.

В результате работы этого, не по пролетарскому носу «букета», 16-го января некоторым работникам с завода был об'явлен расчет с немедленной выдачей за две недели вперед. Мотивами к увольнению послужило — критика деятельности завкома, критика, направленная к защите рабочих масс, и частые споры с коммунистами на эту тему. Рабочие некоторых цехов возмутились таким действием завкома, воскресившего времена царизма, когда за свободное слово также выбрасывали с завода, и направили своих представителей для протеста с указанием на возможность забастовки. От правителей союза получился ответ, что те, относительно которых они пришли протестовать, уволены по постановлению завкома, и что если «угодно» бастовать, то бастуйте, закроем завод, выгоним и вас, а производство от этого только выиграет, т. к. оно не особенно нужно, уволенных же придется отправить в тюрьму. Получив такой ответ, на который даже в царские времена не всегда решались капиталистические приказчики-директора, рабочие раскусили руководителей профсоюза, потолковали между собою о забастовке, но, считаясь с тяжелым экономическим положением и массовой безработицей, оставили вопрос о забастовке в защиту уволенных товарищей до совмещения с другими требованиями в более благоприятный для рабочих момент, а не тогда, когда делают вызов коммунистические заправилы.

Завком решил свое черное дело замаскировать докладом о своей «деятельности» на делегатском собрании 24-го января, на котором присутствовало из общего числа 160 делегатов лишь около 50-ти, преимущественно коммунистов. (делегатское собрание разбавляется комсомолом и женотделом).

На нем первым вопросом был поставлен доклад райкома металлистов. Он сводился к следующему: много времени уделено на «хлопоты» в хозяйственных органах по уплате заработка, на проведение добровольного членства, на сдерживание рабочих от чрезмерного повышения заработной платы. За этой работой он — райком — не мог своевременно усмотреть на Сормовском заводе элементов, разлагающих союзную дисциплину своей критикой деятельности завкома, требованием своевременной выплаты заработка и его увеличения. Это «упущение», по мнению райкома, исправлено за последнее время, т. е. произведена «расчистка». Не обошлось и без попытки подмазать обещанием увеличения заработка путем изменения тарифной сетки, в которой должно быть отношение между высшим и низшим разрядами 1 : 8, а в рабочей ее части 1 : 3,3 т. е., работники 9-го разряда будут получать по коэффициэнту 3,3; увеличение коснется рабочих, лишь начиная с седьмого разряда. Практикуемая же на заводе сетка с междуразрядным отношением 1 : 15 будет отменена. Благодать новой сетки будет заключаться в том, что рабочие до 7-го разряда останутся при прежнем положении, а с 7—9-го получат увеличение коэффициэнта на 0,3; служащие же и технический персонал потеряют 45—90 %. Один из делегатов пытался указать представителям райкома на бедственное положение чернорабочих, на что получился властный окрик представителя райкома, что чернорабочие и так много получают по сравнению с квалифицированными рабочими (очевидно, уравнительный коммунизм окончательно исчез из умов коммунистов).

Далее следовал доклад завкома, очень похожий на доклад райкома, только с той разницей, что доклад райкома касался рабочих всего района, а доклад завкома — рабочих данного завода. В докладе завкома было указано, что завкому много приходилось уделять времени на хождение по цехам для уговоров рабочих работать, вследствие того, что по причинам несвоевременной выплаты заработка, увеличения норм выработки, понижения разрядов, — происходило недовольство рабочих и служащих, доходивших до стихийных забастовок. Много было и технической работы, проведение «добровольного» членства; между прочим отмечен рост членов союза (а не членов выгоняют: поневоле записываются). Слабость своей работы завком впервые признал в том, что он во время не узрел элементов, подрывающих союздисциплину ведением агитации среди рабочих за повышение заработной платы и т. п. Теперь же — далее повествует завком — совместно с райкомом металлистов это «упущение» недавно исправлено тем, что из числа «неблагонадежных агитаторов» уволено 5 делегатов, которых завком и предлагает лишить делегатских полномочий (сначала расчет, а потом утверждение!).

После этих докладов один из расчитанных делегатов пытался доказать истину, что он, как избранный представитель своего отдела, обязан стоять на точке зрения защиты рабочих интересов, что он, как делегат, не мог молчать, хвалить рабочим плохое и говорить, что треть заработной платы за норму работы до-военного времени, является нормальным заработком и т. п. И если гнать за это с завода, то значит при таких условиях ни один порядочный рабочий не согласится быть делегатом. Конечно, эти истины ясны для рабочих, но не могут служить основанием для «твердокаменных» искоренителей всего живого в рабочем организме. Председатель райкома металлистов откровенно и цинично заявил, что нужно было «расчистить путь» новому завкому, для этого следовало убрать несколько человек, что и сделано. Вести же полемику с высказанием с выступившим делегатом он не находит возможным, так как это есть «демократический вздор» (еще бы, к чему методы убеждения, когда имеются принуждение и насилие). После этих «сильных» аргументов завком предложил резолюцию, одобряющую его деятельность, что большевистское большинство «молодцевато» и сделало, одобрив в общем деятельность завкома, в том числе и увольнение мешавших его деятельности, направленной к нажиму на рабочих. Так сделано черное, антипролетарское дело.

Среди рабочих начинает усиливаться бойкотистское отношение к предстоящим перевыборам делегатов и завкома, мотивированное тем, что если выбирать сознательных делегатов, могущих защищать интересы своих избирателей, то их выгонят с завода, выбирать же безгласных и не посещающих делегатских собраний нет смысла. Поэтому, рассуждают рабочие, защищать свои интересы придется непосредственно самим, путем цеховых и общих собраний.

Директор Сормовского завода в роли жандарма.

Советская власть может поспорить с любой страной количеством чекистов и шпиков. Никакое правительство не занималось и не занимается так политическим сыском, как правительство РСФСР в лице РКП.

В январе сего года на Сормовском заводе произошел такой возмутительный случай — одного из работников завода вызвал к себе в кабинет, директор гр. Чугурин. Когда вызванный явился, его в кабинете директора встретили чекистские

архангелы и тут же, в присутствии директора, арестовали. Зав. цехом, видя долгое отсутствие нужного работника, звонит по телефону к гр. Чугурину и получает ответ, что вызванного к себе он отправил в командировку в экстренном порядке... осматривать котлы. На другой день к гр. Чугурину пришла жена «командированного» узнать, что с ее мужем, ей тоже был дан прежний ответ, но она, чувствуя что-то неладное, стала настойчиво требовать указания, где ее муж. Под ее давлением директор-жандарм не выдержал до конца своей роли и признался, что ее муж арестован.

Рабочие, узнав об этом возмутительном случае, говорят, что если гр. Чугурин вызывает к себе в кабинет, то прежде чем являться к нему, непременно надо идти домой за краюхой хлеба и необходимыми принадлежностями тюремной сидки и, только запасшись этим, можно являться к директору.

* * *

На почве установления жестких норм и невыполнения правлением «Гомзы» заключенного тарифного соглашения о выдаче в сроки заработной платы, которая затягивается до трех недель, чем понижается стоимость рубля до 50 %, многие цеха завода 21, 22 и 23 ноября стихийно и вопреки союзной дисциплине не работали, выставив требование о своевременной уплате заработка. Волна забастовки увеличивалась, несмотря на выпущенные воззвания к рабочим с предложением войти в тяжелое финансовое положение республики и мирно ожидать разрешения этого вопроса в центральных учреждениях. В целях ликвидации растущей забастовки, завком в срочном порядке 23-го ноября созвал конференцию делегатов с приглашением всех желающих рабочих. Конференция вызвала особый интерес; на нее пришло свыше 9000 человек рабочих, за теснотой помещения многим на собрании быть не удалось. Делегатов же явилось на собрание из 164 человек лишь 70 человек, что показало, как делегаты в трудный момент относятся к своим обязанностям.

Председатель завкома на собрании сделал обзор забастовки, об'ясняя дело задолженностью Н. К. П. С. «Гомзе» около 30 триллионов руб. и сокращением эмиссии в целях стабилизации рубля. Рабочие-де должны потерпеть, покуда вопрос разрешится в центре. Со стороны «делегатов» по столь важному вопросу сколько-нибудь серьезных выступлений не было.

Председатель собрания, не видя со стороны делегатов предложений, внес на голосование резолюцию завкома, в которой указывалось, что делегатское собрание согласно ждать выдачи получки за октябрь месяц до 1-го декабря, а за 1 половину ноября до 8-го декабря. Общую же линию нормировки работ признать правильной.

Присутствующие рабочие возмущались таким предложением. Голосование делегатов происходило несколько раз, подсчет голосов делался на глазок, сопровождавшийся протестом присутствующих, в конце концов председатель установил большинство 31 голоса за резолюцию завкома. Так голоса 31 делегата из 164 общего количества делегатского собрания узаконили нарушение тарифного соглашения вопреки протеста присутствующих рабочих.

Ростовские печатники за два года.

Независимый союз печатников был разогнан еще при военном коммунизме. Новое коммунистическое правление, совершенно оторванное от масс, ничем не проявляло своей деятельности; можно смело утверждать, что 50 % печатников Ростова даже не знало о его существовании.

Благодаря каторжным условиям незадолго до нэп'а начались по типографиям «волынки». Угрозы расчета, передачи наркомтруду, перевода на работу в голодные местности — заставили рабочих смириться и продолжать работу на прежних условиях. Но несмотря на то, что рабочие впали в апатию, ушли в себя, «по традиции» время от времени печатники давали о себе знать.

В июле 1921 г. у печатников вспыхнула стачка на почве повышения заработной платы. Невыплата к сроку особенно тяжело ударяет по рабочему благодаря тому, что деньги все время теряют в своей ценности, чем сводится на нет повышение ставок. Примером оттягивания выплаты может служить тот факт, что всем ростовским рабочим (не только печатникам) до сих пор (ноябрь 1922 г.) не выплачена натурпремия за октябрь 1921 г. Итак, в июле 1921 г. ростовские печатники забастовали; в разных предприятиях забастовка длилась от одного до трех дней. Подавлена она была жестоко; с рабочими не церемонились, многих расчитали. Положение осталось прежним.

К сентябрю месяцу 1921 г. оно сделалось совсем невыносимым. В городе вспыхнул ряд забастовок. Забастовали почтовые служащие, трамвайщики. Вместе с ними на почве низкой заработной платы и несвоевременной выплаты забастовали и печатники. Забастовка возникла стихийно, как результат голода и отчаянного материального положения. Она распространилась на все типографии, в том числе и газетные. Газеты набирались в военных типографиях. Заправилы союза и полиграфического управления пытались об'яснить все происками меньшевиков. Официальное постановление их органа, указывая на связь этой стачки с «группой лиц, пытающихся подорвать авторитет власти и союзных органов», требовал от рабочих немедленно стать на работу. Забастовка продолжалась три дня. На четвертый день всякими правдами и неправдами удалось сломить забастовку. Рабочие стали на работу после того, как было обещано улучшить материальное положение и с другой стороны об'явлено, что все не ставшие на работу считаются расчитанными и предприятия об'являют набор новых рабочих. Производится соответствующая фильтровка. Несмотря на это одно предприятие — 1-я типография — продолжала бастовать, пока и она не вынуждена была возобновить работу после того, как рабочие 1-ой типографии приняли такую резолюцию: «Возникшая стихийно забастовка является результатом голода и отчаянного материального положения рабочих. Расчет, об'явленный нам правлением союза и заводоуправления, мы не принимаем и предлагаем правлению отменить его. В силу же сложившихся об'ективных условий мы вынуждены подчиниться и возобновить работу».

В результате на разных типографиях было расчитано до 15 человек рабочих, заподозренных в крамоле. Одно из ближайших общих собраний печатников г. Ростова этот расчет опротестовало. Но правление, очевидно, не считающее для себя обязательным голос союзных масс, его все же не отменило. Этот эпизод выявил все существо казенных профсоюзов, выбрасывающих рабочих только за то, что они требуют сносных условий существования. После этого рабочие еще более отшатнулись от союзов и еще более ударились в апатию.

Новая профполитика была встречена печатниками очень «сочувственно». Первое же общее собрание печатников в мае 1922 г. наградила докладчика резолюцией, в которой указывалось, что защитниками интересов рабочих могут быть только независимые профсоюзы. Не помогла коммунистам и двинутая ими тяжелая артиллерия в лице члена реввоенсовета 1-ой конной армии Бубнова. Сторонникам «новой профполитики» пришлась не по вкусу принятая рабочими резолюция и... в протокол была внесена резолюция, предложенная коммунистами.

Полиграфическая промышленность пришла благодаря неумелому хозяйствованию и хаотическому управлению в состояние разрухи. Примером неудачного управления может служить частая смена управляющих полиграфическими предприятиями. Притом эта смена проистекает не из интересов производства, а из стремления коммунистических хозяйственников приобщиться к полиграфическому пирогу.

А между тем положение рабочих все ухудшалось и ухудшалось. Переход предприятий на хозяйственный расчет повлек за собой массовый расчет рабочих, которые большей частью выбрасывались на улицу без немедленной уплаты за проработанное время, компенсации и т. п. Все это не намного улучшило положение оставшихся в производстве рабочих.

Ретивый директор треста, бывший ревтриб-овец и его помощник, ренегат, бывший меньшевик Фигатнер окружили себя штатом ответственных работников из числа бывших владельцев местных предприятий. В местной печати было об'явлено обоим «советское спасибо» от члена коллегии Донсовнархоза такого же сорта ренегата, как Фигатнер, бывш. меньшевика Матвеева.

Несмотря на бесчисленные постановления профорганов о контакте завкомов с заводоуправлениями, последние в большинстве случаев игнорируют не только завкомы, но и союз (в пунктах коллективных договоров о заработной плате, об охране труда, приеме и увольнении), проводя все в порядке приказов по предприятиям. Перевод рабочих с предприятия на предприятие, прием и сокращение рабочих проводится без ведома ячеек союза.

Что касается пресловутого свободного членства, то членские взносы в союз и отчисления в кассу взаимопомощи производятся, как и раньше, через контору.

Новая тарифная политика выражается в том, что всюду вводится товарный рубль с бесконечным вычислением индекса цен (рабочие его называют «индюком»). Это, по мнению рабочих, создано для большего запутывания оплаты. Ставки вводятся не только в зависимости от соотношения рыночных цен довоенных и теперешних, но и в зависимости от того, выдержит ли трест. Поэтому сейчас идет борьба между управлением треста и союзом; трест старается всячески урывать. Средняя заработная плата печатника (9 разряд) за ноябрь месяц — 16 р. 40 к. (225 милл.) при ценах на хлеб

500 тыс. фунт. Выплачивается заработная плата и поныне крайне нерегулярно.

Печатники, как и весь ростовский пролетариат, «торжественно» отпраздновал октябрьскую годовщину. Явившимся на демонстрацию выдавали картошку и капусту (по 1 пуду). По предприятиям демонстрантов угощали обильной закуской, а местами и с выпивкой, в которой особенное горячее участие принимали заправилы треста.

В профессиональных союзах

Судьба профсоюза служащих

I.

Неблагополучно в союзе советских служащих! Официальные отчеты свидетельствуют о катастрофическом падении числа членов союза. Всероссийский Союз об'единяет уже не 1 000 000—1 200 000, а около ½ миллиона членов. Убыль 50 % членов союза об'ясняется главным образом сокращением штатов («40 % вышли из союза, потому что вышли в тираж»); остальные вышли из союза по доброй воле и в результате проведенной «чистки» («во время перерегистрации чистка членов союза произошла по партийным методам» — обмолвился представитель В. Ц. С. П. С. на всероссийском пятом с'езде союза служащих*). Одним словом, сокращение числа членов привело к тому, что на пятом с'езде, состоявшемся в ноябре 1922 г., было представлено по официальным данным 559 253 члена. Кстати, свыше 60 % членов падает на уездные отделения, т. е. почти сплошь на «мертвые души».

Неблагополучно и во внутренней жизни союза служащих, и невольные признания о том, то и дело срываются с уст бюрократии союза. Профсоюзы служащих «до сих пор еще живут жизнью, несвязанной с жизнью массы своих членов»; все вопросы «решаются только в верхах», — констатирует картину разложения представитель ВЦСПС в своей приветственной речи. И то же самое подтверждают отчет центральнаго комитета союза, докладчик о задачах профсоюзов и отдельные ораторы.

Рассказывая о длительной борьбе Ц. К. с ВЦСПС, секретарь Ц. К. сообщил с'езду, что «Ц. К. и все отделы его превращаются фактически в технический вспомогательный орган ВЦСПС. Ни одно решение, ни один циркуляр не мог пойти на места без визы ВЦСПС. В результате получился полный отрыв Ц. К. от мест, полное бессилие... Бюджет Ц. К. ограничивается теми средствами, которые даются ему ВЦСПС, и почти все они уходят на содержание служащих». Правда, так, по словам докладчика, было до наступления «нового курса» в профессиональном движении.

Но с'езд происходил уже спустя год после об'явления нового курса, после ставки на «защиту интересов». Изменилась ли после того картина? Наступил ли перелом? Если «верхи» профсоюза в туманных и общих выражениях говорят о некоем переломе в центральном комитете, то на местах, во глубине России, по собственным признаниям делегатов 5-го с'езда, продолжается прежний процесс вырождения: «Общия собрания в учреждениях... нерегулярно созываются, являются чисто формальным институтом», — заявляет один из работников союза, — и мечтает вслух о том блаженном времени, когда «коллектив будет идти на свое общее собрание не из-под палки, не как на тяжелую повинность». И так же неблагополучно, как с этими общими собраниями в учреждениях и предприятиях, обстоит дело с членскими взносами. Конечно, с одной стороны, преподносится легенда об удачно проведенной кампании в пользу добровольного членства**), но, с другой стороны, приходится официально констатировать, что членские взносы собираются даже не через месткомы: «наши губотделы считают целесообразным жить по старинке... Получать членские взносы через конторы».

II.

«Новый курс» в сущности свелся к обострению и углублению зияющих противоречий русских профессиональных организаций, превратившихся в подсобные органы коммунистической партии и власти. Перед лицом возрождающихся в стране буржуазных отношений, в этой новой обстановке профорганизации могут рассчитывать на жизнь и развитие лишь в том случае, если, преодолев бюрократизм верхов и гипноз компартии, они построят свою борьбу, свою защиту классовых интересов служащего пролетариата на почве действительной самодеятельности масс, на основе независимости рабочих организаций, на подлинном их демократизме. Сознание необходимости укрепить нарушенную «связь с массами», начинает посещать даже твердокаменные головы профессионалистов; изредка срывается и у них мысль о полезности демократизма в пролетарской организации. Но зависимость от коммунистической партии парализует самые слабые признаки перелома.

В этом смысле характерно отметить два момента в жизни союза служащих. В связи с нэпом, в связи с ростом частных предприятий и с распространением всяких торговых функций у лжекооперативных и государственных органов естественно кристализовалась внутри союза компактная группа членов торговых служащих. В пользу отдельной организации приказчиков заговорили весьма упорно в союзе, и ВЦСПС предложил создать два параллельных союза: государственных служащих и торгово-промышленных служащих*). Так, сильная жизненная тенденция у наиболее пролетарской части союза подсказывала мысль о необходимости выхода из «советского» союза и образовании нового, более однородного союза. Но в нужную минуту вершители судеб спохватились и для того, чтобы отсрочить решение вопроса, выбросили лозунг образования секции приказчиков внутри союза советских служащих.

Интересно,что на с'езде эти секции тоже вызвали неудовольствие. Некий юный коммунист заявил упрек центральному комитету в том, что он «вместо того, чтобы этот вопрос затушевать, т. к. он имел под собой почву эсеровщины и меньшевизма», только поддерживал такие вредные тенденции в союзе. «Этот демократизм в нашем союзе является излишним» — добавил рассерженный юнец.

Не более плодотворной оказалась судьба другого вопроса, который уже был на пути к разрешению, но в последний момент был благополучно сорван. Речь идет о делегатских собраниях, замена которых конференциями комитетов служащих в свое время была одним из способов захвата коммунистами союзов и фальсификации органов представительства**). И вот в связи с новым курсом в недрах самого президиума Ц. К. созрели разочарование в месткомах и — одновременно — сознание целесообразности возрождения делегатских собраний. Однако собрался пленум Ц. К. и положил конец этим опасным «шатаниям и уклонам». Идея делегатского собрания была задушена в корне, и союз служащих попал опять в руки месткомов, обычно зависящих от начальства и покорно пляшущих под коммунистическую дудку. А 5-ый Всероссийский с'езд, конечно, решительно порвал со всякой крамолой. В его постановлениях не отразились колебания по вопросу о делегатском собрании, а в противовес сепаратистам — торгово-промышленным служащим с'езд заявил себя гордо и нерушимо — «единым и неделимым»...

III.

Как всегда, и 5-ый с'езд союзов служащих сохранил показную уверенность, парадный вид, и аплодисментами и приветствиями заглушал все бесчисленные сомнения. Правда, начиная с 3-го с'езда (июнь 1920 г.), когда и в центре и на местах была с корнем «ликвидирована» всякая социалистическая оппозиция, и последние сторонники «единства и независимости профессионального движения» были насильно устранены от всяких руководящих постов в союзе, —на всероссийских с'ездах союза некому уже подымать свой предостерегающий голос. Небольшой % беспартийных, допускаемых на с'езд, безмолвствует и покорно голосует за коммунистические резолюции. Все разыгрывается как по нотам, и нужно только удивляться тому, зачем все это проделывается.

---

*) Как производилась чистка, показывает между прочим следующий факт: один губотдел исключил из союза евангелистку, «поскольку она против кровопролития и, следовательно, неспособна на классовую борьбу» (Отчет Ц. К.).

**) К характеристике добровольного членства можно добавить, что циркуляр Ц. К. предусмотрительно указывал, что «добрчленство не исключает известного морального и экономического воздействия на уклоняющихся от членства», а докладчик на с'езде определенно советовал «замену на работе таких сознательно уклоняющихся быть членами союза».

*) За последнее время значительно усилились центробежные тенденции в союзе: финкотрудовцы и банковцы, в свое время насильно об'единенные с сотрудниками против воли большинства их с'ездов, заговорили о выделении из союза. Такая же тенденция, помимо торговых служащих, появилась и у статистиков.

**) Делег. собрание было отменено в 1919 г., после известного провала коммунистов на делегатском собрании в Москве.

кому это нужно и как это ни надоело этим специалистам по фальсификации выборов и по устройству с'ездов? Зачем были нужны эти бесчисленные приветствия разных знатных иностранцев, живущих на советский счет и усердно хвалящих своих господ — по пословице: чей хлеб ем, того и хвалю? Что прибавило к бесчисленным приветствиям еще одно приветствие, официально посланное с'ездом центр. комитету Р. К. П.? Неужели так обязательно это выражение верноподданнических чувств, — и в который раз?..

Но чем иным мог себя ознаменовать с'езд, на котором из 201 делегата было 167 коммунистов? Коммунисты любят отмечать, что все руководящие посты в союзах завоеваны представителями их партии; но уже их собственная статистика вносит сюда некоторый корректив. Действительно, в результате всей системы террора руководящие посты в профсоюзах занимают коммунисты, но заслуживает внимания на примере союзов служащих, что только на руководящих постах твердо сидят коммунисты, что чем вы спускаетесь ниже от Ц. К. к местным низшим ячейкам, вы сталкиваетесь со значительным падением влияния и участия коммунистов в союзе. На всероссийском с'езде коммунисты составили 83 %, в президиумах правлений губотделов 73,6 %, в составах самих правлений губотделов 55 %, а на местных союзных с'ездах — 43,6 %. Параллельно с этим возрастает и роль, и влияние беспартийных членов союза, правда, пока еще безмолвствующих.

Кстати, еще отметим, что 11,6 % в составе правлений губотделов составляют бывшие члены Р. К. П., как показано в официальной союзной статистике. Если не следует преувеличивать значение этих беспартийных, физиономия которых весьма неопределенна, то нельзя не отметить высоких качеств тех коммунистов, которые занимают руководящие посты в союзе служащих. Для этого мы воспользуемся данными мандатной комиссии 5 с'езда, которая сообщает, что из 167 делегатов-коммунистов только 32 человека были членами партии до 1918 года, что в 1920 г. вступило в РКП 44 чел. и в 1921 г. — 80 чел. Профессионалистский стаж этих «ответственных коммунистов», вершающих судьбы служащего пролетариата, равен их партийному стажу.

IV.

Решения, принятые 5-ым с'ездом союзов служащих, ничем не выделяются из обычного коммунистического трафарета. Однако некоторого отражения тяжелого положения служащих в нэповской России нельзя не найти даже в этих шаблонных решениях, как и в материалах с'езда. Так, сколько ораторы ни замазывали бессилие бюрократического союза в вопросе о заработной плате государственных служащих, неоднократно выплывала на свет божий между строк жуткая картина нужды многотысячной армии служащих. Коллективные договора удается заключать с торговыми и кооперативными учреждениями, причем отчет Ц. К. отмечает, что бывали случаи, когда «установленные ставки оказались ниже государственного минимума», но еще гораздо тяжелее обстоит вопрос с колдоговорами в государственных учреждениях. Большинству договоров предшествовало много конфликтов, а сами договора заключались всегда через третейские суды и примирительные камеры, — причем отмечалось, как общее явление, что гнилой компромисс, обычно удовлетворяя кое-как заинтересованное учреждение, оставлял необлегченным положение служащих. И с'езд вынужден был признать, что «государство в данное время не в состоянии платить своим служащим зарплату, которая удовлетворяла бы минимальные потребности». И с'езд вынужден «признать вредными тенденции, направленные к чрезмерной урезке кредитов, отпускаемых на зарплату служащих».

Между тем нужда в массе служащих растет. Даже коммунистический Ц. К. не выдержал, когда в конце прошлого года совнарком оставил октябрьские ставки на ноябрь, — что на 44 % понизило реальную заработную плату советских служащих и... «вновь была поднята кампания, и мы имели возможность читать постановление ВЦСПС, который отказал нам в большей части наших требований», — рассказывал на с'езде представитель Ц. К. В частности, своеобразную роль играет ВЦСПС, который мнит себя как бы суперарбитром между профсоюзами и органами государства. Интересно отметить, что как раз Томский был приглашен в качестве суперарбитра в третейском суде между союзом служащих и госуд. банком и, конечно, разрешил спор не в пользу служащих, а в пользу госбанка...

И вместо организованной борьбы за улучшение положения служащих союз изобретает паллиативы, в действительность которых никто, конечно, не верит. Растет безработица. На 1 июля пр. года в союзе считалось по 47 губ. 62 288 безработных, на 1 сентября по 53 губ. 61 876 безработных. В Москве и Петербурге % безработных считали от 10 до 15, а в других местах от 20 до 50 % членов союза. Центральный комитет предложил и с'езд утвердил образование разных фондов, изыскание подсобных доходов, создание кооперативов, аренда союзом огородов, совхозов и т. п.*). Большинство государственных служащих страдает от низкой заработной платы, несособно при нынешней союзной политике бороться за ее повышение (бессильно даже бороться с наркоматами за сокращение сверхурочных работ), — что же, с'езд не унывает и обещает бороться за... «льготы» для служащих в пользовании коммунальными услугами, школами, больницами и пр. Во всяком случае, когда на с'езде речь заходила о стачках, как об одном из стародавних, но весьма испытанных средств борьбы за заработную плату, — от этого вопроса старались улизнуть под сень общепрофессиональных директив. И с'езд, заявляя, что «в советском государстве стачка является негодным средством разрешения конфликтов, возникающих на почве защиты экономических интересов», признал, что стачка может быть допущена лишь с разрешения Ц. К. и что распоряжение стачечным фондом должно остаться в руках Ц. К.

К характеристике настроений с'езда следует добавить изложение его позиций в отношении международного профдвижения. Конечно, коммунисты из союза служащих целиком стоят на платформе профинтерна, и докладчик на с'езде по вопросу о международных связях дает такую оценку Амстердамского интернационала: «В борьбе капиталистов активную поддержку им оказывает Амстердам, который с упорством старается мешать движению служащих и помогает преследованию их со стороны властей, сажает их в тюрьмы»... Казалось бы, после такой оценки, с Амстердамом не может быть никаких разговоров. Нет, коммунисты «во имя единства» добиваются об'единения с Амстердамом и, не веруя в то, что Амстердам согласится их принять, они решаются, скрепя сердце, принять участие в 1923 году в попытке об'единения «революционных служащих», предпринимаемой профинтерном «в противовес желтому интернационалу». Так разбиваются добрые намерения кротких коммунистов о жестоковыйность «социал-предателей».

V.

Таковы впечатления от последняго Всероссийского с'езда союзов служащих. Таковы материалы и данные, взятые нами из стенограммы с'езда (шесть бюллетеней от 16—21 ноября 1922 г.), и из присланных товарищами сведений. В сущности та картина разложения, какую представляет собою союз служащих в области организационной, и картина бессилия его в области защиты классовых интересов пролетариата прилавка и конторки ничего неожиданного в себе не заключает. В свете нэпа, в обстановке новых социальных отношений служащим, конечно, с каждым днем становится яснее, что успешная борьба за заработную плату, как и под'ем культурного уровня членов союза, могут быть достигнуты только при наличии свободы и независимости рабочего движения в стране, только при условии демократизации всей государственной и общественной жизни. Как можно видеть на опыте союзов служащих, совершенно недостаточны те проблески сознания, которые иногда мелькают в головах у коммунистов-профессионалистов, как недостаточны и те «уступки», на которые они вынуждены итти, для того, чтобы оживить профдвижение и превратить рабочие организации из послушных орудий компартии в свободные, самодеятельные органы выражения массовой воли.

Предстоит долгий путь создания новых кадров борцов за единство и независимость профдвижения; предстоит долгая борьба против коммунистических верхов нынешних выродившихся союзов, только тормозящих оформление классового сознания и препятствующих борьбе масс за насущные экономические интересы. Значительное влияние беспартийных элементов в низах союзов служащих, неизбежный рост численности и удельного веса торгово-промышленных служащих в среде советского чиновничества, быть может, облегчат процесс возрождения профсоюза служащих и открывают некоторые перспективы. Традиция борьбы за свободу и независимость всегда была сильна в союзах служащих. Путем уничтожения делегатских собраний, путем захвата комячейками верхушек, путем фальсификации выборов, наконец, просто путем террора коммунистам удалось «овладеть» союзом. —

*) Для этих фондов и предприятий нужны средства, которые должны давать члены союза, и членские взносы и отчисления падают неимоверно тяжким бременем на нищенскую заработную плату. В среднем каждому члену приходится отчислять в кассу союза не менее 5 % зарплаты, а некоторые губотделы фактически взимают и 10 %. Неудивительно, если один союз, жалуясь на свое финансовое положение, называет членские отчисления выразительным словом: поборы.

при этом оторвав союзные верхушки от масс и сведя союз до роли казенной канцелярии. Но через голову коммунистической союзной бюрократии пойдет развитие и возрождение профес. союзов служащих, и знаменем возрожденного движения будут старые лозунги: свобода, единство и независимость!

Г. Аронсон.

Кнут и пряник.

Прошлогодняя сормовская забастовка вызвала со стороны Ц. К. союза металлистов отправку в Нижний и Сормово в качестве чрезвычайного комиссара некоего Козелева, занимавшего до сих пор пост председателя Всероссийского союза артистов («работников искусств»). Усвоив истинную сущность «новых задач профдвижения», заключающихся в применении зубатовских приемов, Козелев начал действовать. Он сначала признал справедливость выставленных рабочими во время стачки требований: и завком-де из назначенцев, и заводоуправление не на месте, и ставки малы... Во всем-де рабочие правы и эти их права он, союз, будет всемерно отстаивать. И, успокоив немного рабочих, он приступил к выполнению второй части своей завещанной Зубатовым программы: пряник и кнут. В качестве уже члена президиума нижегородского райкома металлистов он с группой других назначенцев учиняет расправу над сознательными рабочими, выступавшими в качестве делегатов от рабочей массы в защиту ея справедливых (по словам же Козелева) требований. Вот подлинный протокол этого застеночного «суда», который каждый честный рабочий прочтет с чувством презрения по адресу этих жандармов от профдвижения.

Протокол № 49

Заседания Президиума Нижегородского Райкома Металлистов от 26 января 1923 г.

Присутствовали: Козелев, трофимов, Матросов, Бычков и Кнезель.

Слушали: Об увольнении с Сормовского зав. членов союза, вносивших разложение союзной дисциплины на зав., а также об исключении из числа членов делегатского собрания.

Постановили: 1) а) Подтвердить решение заводского к-та Сормовского зав. об исключении Михайлова из членов союза, как злостного врага профсоюза и явного нарушителя профессиональной дисциплины. б) Подтвердить решение делегатского собрания от 25 января об исключении из числа делегатского собрания делегатов Петрунина, Чуфыркина и Кузьмичева, как нарушавших волю делегатских собраний. в) Подтвердить решение завкома по отношению уволенных с завода ряда лиц, как элементов систематически, разлагавших профдисциплину, несмотря на неоднократные предупреждения и обращения союзных органов, с одной стороны, активно стремившихся использовать стихийное настроение рабочих масс завода, действуя через голову профессиональных организаций, и с другой, относившихся пассивно к вопросу союзной дисциплины в острые моменты недовольства части рабочих в связи с запаздыванием выдачи зарплаты и т. п., в то время когда от них, как более сознательных работников, требовалось призыв к менее сознательным рабочим к выдержке и организации. г) Предупредить в частности членов союза Петрунина и Березина, что в случае продолжения ими где бы то не было в других предприятиях, об'единяемых райкомом металлистов, подобной политики, направленной к разложению союзной дисциплины под флагом независимости профдвижения, они будут исключены совсем из союза с широким опубликованием в печати. д) В отношении Немтюрова и Кузьмичева считать возможным оставление их на заводе при условии, если они публично заявят в печати о том, что они считают серьезной ошибкой свои выступления, направленные к дискредитации союза и что впредь они в коем случае не будут пытаться использовать стихийное настроение и тяжелое положение рабочих в своих политических целях, действуя через голову руководящих проф. органов и тем самым внося разложение в среду рабочих и наоборот будут работать в тесном контакте с профсоюзом и подчиняться его дисциплине.

Профсоюзная жандармерия.

Извлечение из циркуляра «Всем Бюро ячеек РКП. и фракций месткомов учреждений, входящих в Союз Совработников», подписанного секретарем Бюро фракций РКП Союза Совработников Дм. Гудковым и заведующим Организационным отделом МКРКП В. Ивановым от 21 декабря 22 г. по вопросу о подготовке к конференции месткомов Союза Совработников, имеющей быть 28 декабря.

«п. 3-ий. Наблюдать за работой Месткомов и отдельных его работников, не проводя, однако, мелочнаго вмешательства в практическую работу, а доводя свои заключения до сведения Бюро фракции профсоюза для принятия непосредственно последним соответствующих мер».

За-границей

Фридрих Адлер об Интернационале и рурском вопросе.

Приводим краткое изложение доклада Фр. Адлера, прочитанного на конференции австрийской с.-д. партии в середине февраля и изданного отдельной брошюрой.

Переживаемые ныне события показывают, насколько правы оказались те пессимисты, которые два года тому назад, приступая к организации Венского об'единения социалистических партий, указывали, что интернационала нет, и что и создаваемая организация не является интернационалом, а лишь орудием для создания такового в будущем. Обыкновенно принято говорить лишь о международных выступлениях пролетариата, и при этом упускают из виду, что они являются второй частью проблемы, первой частью которой является интернационализация сознания: а как раз в этом отношении во всех без исключения странах в сильной степени остается желать лучшего. Весь комплекс вопросов международного характера, поставленный на очередь занятием Рурской области, решается всеми сторонами преимущественно с национальной точки зрения, и эта картина напоминает печальной памяти образы военной эпохи, точно пропал даром опыт окончания войны и последующего за ним времени. Во всяком международном конфликте следует обращать внимание на два момента: с одной стороны, фактические хозяйственные противоречия, лежащие в основе столкновения, с другой — та фразеология и идеология, при помощи который враждебные стороны стремятся предстать в образе поборников высших идеалов.

Так, во время войны, правительства воюющих сторон умело использовали лозунги защиты отечества, борьбы против — с одной стороны — русского царизма, — с другой — прусского милитаризма, чтобы замаскировать те весьма прозаические интересы, ради которых они вели свои народы на бойню, и лишь изменчивость военного счастья, приведшая к Версалю и Сен-Жермену после Брест-Литовска, обнажила до конца скрывавшиеся за благородными фразами империалистические вожделения обеих сторон. Оценивая с интернационалистской точки зрения наблюдаемый ныне отход Англии от политики французского и бельгийского правительств, нужно признать, что Англия только потому теперь вспоминает о праве и морали, что она уже сразу по окончании войны пожала все плоды своих усилий в виде немецких колоний и немецкого флота, и судьба Франции и Бельгии, не реализовавших еще обещанных им мирным договором благ, ее мало трогает. Итак, у нас не существует иллюзий относительно морального преимущества одной из капиталистических держав перед другими, мы знаем, что и для одних, и для других дело сводится к наживе. И на том вопросе, который теперь так нас всех угнетает — Рур — мы это можем лишний раз проверить.

Но прежде чем перейти к этому вопросу, мы должны несколько остановиться на проблеме репараций. Если бы Германия выиграла войну, и, подобно тому, как это было в 1871 году, заставила бы побежденные и разоренные страны уплатой колоссальной контрибуции возместить ей ее военные расходы, то восстановление разрушенных областей Франции и Бельгии оказалось бы совершенно невозможным. В известном смысле победа Франции является компенсацией за опустошения, которым подверглась часть ее территории, и только ее победа могла гарантировать ей перспективу восстановления. Бесспорно и то, что моральная обязанность восстановления лежит на Германии.

Но все больше и больше обнаруживается, что Франция стремится использовать право и физическую возможность требовать от Германии репараций для достижения определенно империалистских целей.

Конечно, французское правительство и франц. буржуазия достаточно осторожны, чтобы не заявлять громогласно о своих истинных намерениях. Занятие Рура производится ими под предлогом неисправности Германии в репарационных платежах и поставках. И население разрушенных областей охотно принимает на веру распространяемые этими спекулянтами

репараций басни, что предпринятый поход имеет только одну цель — понудить Германию к уплате того, что причитается разоренному ею населению.

Указанная выше связь между репарационным и рурскими вопросами чрезвычайно усложняет положение социалистов, в особенности в заинтересованных странах. Обратимся прежде всего к Германии.

Тут мы должны установить громадную историческую заслугу герм. нез. с.-д. партии, которая своим решительным выступлением в пользу подписания мира и в пользу выполнения Германией по мере возможности репараций — вплоть до падения кабинета Вирта оказывала решающее влияние на немецкое правительство в смысле направления его политики в духе «политики исполнения». И мы видим, что как только немецкой крупной буржуазии удалось, вытеснив с.-д. из министерства, образовать чисто капиталистически ориентированное правительство Куно, за-границей создалась атмосфера сильного недоверия к Германии, которая облегчила французским империалистам срыв переговоров и переход к «прямому действию». —Благодаря этим событиям германская социал-демократия очутилась перед совершенно новой ситуацией. Уже предшествовавшее занятию Рура катастрофическое падение марки поставило для нее под сомнение самую возможность для Германии платить; с занятием-же Рура и связанными с ним эксцессами по отношению к мирному населению партия оказалась связанной в своей борьбе против буржуазного правительства Куно. К сожалению, в новой обстановке соц.-демократы оказались не вполне на высоте, и нам приходится констатировать у них рецидивы военной психологии, сказавшейся в проповеди Burgfrieden'a, в безоговорочной перепечатке в партийной прессе лживой шовинистической информации, фабрикуемой в Германии, подобно тому, как она фабрикуется и в Бельгии и Франции. Эти рецидивы тем более опасны и прискорбны, что они угрожают расслоением об'единенной партии по линии, которая в свое время привела к расколу, ибо, за малыми исключениями, бывшие «независимые» сохранили по этим вопросам старые позиции. Нужно надеяться, что, благодаря их влиянию, партия преодолеет эти отклонения от интернационалистской линии.

Довольно не отрадно обстоит дело и во Франции и Бельгии. Правда, трудно в Бельгии, испытавшей всю тяжесть германской военной оккупации, протестовать против занятия Рура, которое де одно может заставить Германию платить, и мы видим, что в той, правда, энергичной и мужественной кампании, которую французские и бельгийские товарищи ведут против оккупации, до принципиально-интернационалистской точки зрения они не подымаются. Так же, как и буржуазные политики, они исходят из того, что Германия должна платить. Весь вопрос для них в том, что занятие Рура — нецелесообразно, т. к. оно не может обеспечить платежей. Но принцип — Германия должна платить — для них — неприкосновенен. Они обходят вопрос о той ответственности, которая падает на их буржуазию в возникновении войны, они не говорят о том, что их милитаристы готовы были на все те преступления, которые совершены были германскими. Они не отделяют вопроса о необходимости восстановления разрушенных областей от вопроса о том, кто должен нести все тяготы по восстановлению. А между тем — когда немецкие соц.-демократы боролись за «политику исполнения» и подчеркивали моральную обязанность платить — это было актом разрыва с военной политикой, актом борьбы с немецкими виновниками войны. Когда же бельг. и франц. социалисты говорят о едином виновнике войны — Германии, который один должен платить, и отвергают (после Версаля и Рура) обвинение франц. и бельгийск. буржуазии в аннексионизме, то это только доказывает идейную зависимость бельгийских и французских социалистов от националистской буржуазной идеологии. А факты таковы: на состоявшемся в конце января совещании Амстердамского интернационала совместно с представителями II интернационала и Венского об'единения, внесенная последними поправка к резолюции, об'ясняющая занятия Рура аннексионизмом французских промышленников, не была принята в результате протеста бельгийского представителя, указывавшего, что причиной рурского предприятия является отнюдь не аннексионистское стремление. А перед тем, 10—11 января, в заседании совета бельг. партии Вандервельде наткнулся на (правда, незначительное) сопротивление, когда внес резолюцию, заключавшую в себе осуждение применения методов насилия при решении международных вопросов.

Ясно, что при таком печальном положении в области международного сознания пролетариата, нельзя возлагать надежды на международное выступление, ибо для успеха его нужны помимо сознания и более или менее равные силы в разных странах. К тому-же — характер выступлений в разных странах — выступлений, направленных к достижению общей цели — может быть совершенно различным. Так напр. подписывая мирный договор в Версали, Г. Мюллер делал, с точки зрения международного пролетарского движения, положительное дело. Но Вандервельде — в тех-же целях должен был отказаться подписать его. А если международное выступление прокламировано, то необходимо, чтобы оно было проведено в международном масштабе. В противном случае такое выступление не укрепляет, а только ослабляет силы пролетариата. И теперь вставал перед нами вопрос о всеобщей забастовке. Амстердамский интернационал возбуждал вопрос о 24-час. забастовке протеста против рурской оккупации, которая, в случае успеха, имела бы крупное политическое значение. Но от этой мысли пришлось отказаться, ибо в тех странах, в которых именно эта забастовка имела бы наибольшее значение — во Франции и Бельгии, —она была заранее обречена на неудачу.

Французские рабочие в результате раскола, вызванного Москвой, а также в результате поражений в экономической борьбе, заявили, что они не в силах провести эту забастовку. К тому-же, и главным образом, обреченность забастовки во Франции обуславливалась идейной неподготовленностью пролетариата. При таких условиях международная конференция принуждена была ограничиться вынесением резолюции, констатирующей единогласие всех представителей по текущему международному политическому моменту. Как ни скромен этот результат, — он является все же шагом вперед по сравнению с недавним прошлым, когда бельг. социалисты не принимали участия в с'ездах совместно с немцами.

Такое установление единства мнений является, необходимой предпосылкой для общих выступлений. Для тех кто, как мы, понимали, что 4-го авг. 1914 г. интернационал потерпел сильнейшее поражение, и что восстановление его — дело большой многолетней работы, не должна служить поводом к разочарованию его слабость в настоящий момент. И мы все время старались доказывать, что работу нужно начинать с начала, и что первой и главнейшей предпосылкой для создания интернационала действия является воспитание пролетариата в духе интернационализации его сознания.

В Саксонии

После 1½-месячного правительственного кризиса в Саксонии 21 марта окончательно сформировалось новое правительство под председательством министра юстиции д-ра Цейгнера. Все члены этого правительства — социал-демократы, при чем выбывшие т. т. Бук и Липинский замещены другими товарищами по партии. Новое правительство чисто социалистическое, несмотря на то, что с.-д. фракция со своими 40 мандатами (при общем числе 96 членов парламента) не располагает большинством в палате. Образование нового социалистического правительства на место старого состоялось при поддержке коммунистической фракции, располагающей в палате 10 мандатами.

Состоявшееся соглашение между с.-д. и коммунистами в Саксонии явилось для многих неожиданностью. Об'ясняется это тем, что коммунисты явились виновниками крушения старого с.-д. правительства и неустанно вели самую отчаянную травлю против с.-д. партии. Только благодаря коммунистам, получившим после последних выборов в ноябре 1922 г. возможность выступать в палате, как самостоятельная фракция, в начале февраля с. г. произошла об'единенная атака коммунистов и буржуазных партий против министра внутренних дел т. Липинского, навлекшего на себя, благодаря своей энергичной борьбе против всяких заговорщиков, общую ненависть крайней правой и крайней левой. При злорадной поддержке всех буржуазных партий 8 февраля палатой был принят вотум недоверия против Липинского, повлекший за собой отставку всего кабинета.

Этот гнусный удар коммунистов против социалистического правительства, отстаивавшего при неимоверно тяжелых условиях интересы рабочего класса против об'единенной реакции и являвшегося вместе с тюрингенским социалистическим правительством главным оплотом пролетариата в центральной Германии, вызвал взрыв негодования среди всех сознательных рабочих в стране. Образование нового правительства возможно было только при поддержке демократов (8 мандатов) или же при поддержке коммунистов (10 мандатов). Но союз с демократами означал бы отступление от принципа чисто-социалистического правительства, восторжествовавшего благодаря независимой с.-д. партии именно в Саксонии. Коалиция с демократами была затруднена еще тем, что последние настаивали на привлечении также германской народной партии, представительницы капиталистической реакции. Конференция об'единенной с.-д. партии Саксонии отклонила поэтому идею коалиции с демо-

кратами и выбрала комиссию для ведения переговоров с коммунистами и выработки общей платформы для деятельности обеих рабочих партий.

За все время правительственного кризиса коммунистами выдвигался лозунг, что решение вопроса об образовании правительства должно быть передано в руки специально созванного с'езда членов заводских комитетов (Betriebsräte). Это требование было отклонено профессиональными союзами, как и с.-д. партией, да и сами заводские комитеты в самых крупных городах, как напр., в Хемнице и Лейпциге, в громадном своем большинстве высказались против коммунистического плана взять в свои руки на место партий руководство политическими судьбами страны. Но коммунисты до последнего момента цеплялись за этот парадный лозунг, долженствовавший по авторитетным заявлениям их вождей подготовить почву для создания первой советской республики на германской территории.

Если таково было настроение в официальных руководящих кругах коммунистической партии, то в самих организациях взгляды были значительно умереннее. Рядовые члены партии, особенно заводские рабочие, прекрасно понимали, что коммунистическая партия в данном случае несет ответственность перед всем пролетариатом за возможное уничтожение социалистического правительства в стране. Они понимали, что устранение этого правительства, при нежелании коммунистов образовать вместе с с.-д. общее правительство, означало бы уничтожение главного оплота против возрастающей фашистской опасности во всей Германии. Эти круги партии, повидимому, произвели настолько сильное давление на верхи, что в конце концов «непримиримые» были оттиснуты на задний план, и выработана была общая платформа, на основании которой коммунисты обязались, не входя в правительство, поддерживать вновь образованный с.-д. кабинет.

В общей платформе, принятой на специально созванной коммунистической конференции, характерно в первую очередь то, что основное коммунистическое требование — созыв с'езда заводских комитетов — оставлен самими коммунистами. Принятые же пункты платформы сводятся к тому, что новое правительство выработает законопроекты: во 1) об амнистии по уголовным делам, совершенным по нужде; во 2) о борьбе против ростовщичества и спекуляции; в 3) об организации рабочих камер и в 4) о создании обеими партиями пролетарских организаций для защиты от фашистской опасности. Во всех этих пунктах нет ни одного, который не был бы задуман и отчасти подготовлен с.-д. партией и членами прежнего правительства. Соглашение с коммунистами на почве этих пунктов означает, что среди них, повидимому, восторжествовало то течение, которое на место общих фраз и утопических целей ставит себе задачей осуществление реальных целей, достижимых при данной социально-политической обстановке общими силами рабочего класса.

Достигнутое соглашение является безусловно шагом вперед по пути об'единения и укрепления рабочего движения в «красной Саксонии». Со скрежетом зубовным буржуазные партии смотрят на создание нового социалистического правительства после того, как они несколько недель лелеяли мысль при помощи коммунистов взять власть в свои руки. В широких рабочих массах Саксонии чувствуется некоторый под'ем и ослабление внутренней розни. Высказываются надежды, что горький опыт последних месяцев не пройдет бесследно для коммунистической партии и что совместная деятельность с.-д. и коммунистов при проведении общей платформы помешает кое-кому из руководящих демагогов вновь сыграть безответственную игру за счет интересов всего саксонского пролетариата. Но тем не менее было бы преждевременно уже теперь поставить определенный прогноз для нового социалистического правительства и социалистически-коммунистического соглашения в Саксонии. Слишком очевидно, с одной стороны, желание коммунистов воспользоваться данной ситуацией в Саксонии, чтобы взять «под контроль» всю с.-д. партию и правительство. И слишком сильно, с другой стороны, недоверие с.-д. и профессиональных союзов против коммунистических вождей, приемлющих свои лозунги извне, от московских диктаторов, рассматривающих Саксонию и ее рабочий класс, как послушные пешки на своей шахматной доске.

Но каково бы ни было дальнейшее развитие, одно можно сказать с уверенностью: если коммунисты, после совершенных ими ошибок и преступлений, еще раз подымут руку против социалистического правительства в Саксонии и разобьют единство рабочего класса, то они подрубят сук, на котором они сидят, и будут покинуты даже большинством своих теперешних сторонников.

А. Ш.

Из партии

Деятельность Бюро Ц. К.

I.

О работе местных организаций.

(Принято 16 февраля 1923 г.)

Заслушав сообщения о работе ряда местных организаций, Бюро Ц. К. Р. С. Д. Р. П. признает:

1. В последний период идейная жизнь в местных организациях значительно оживилась. В частности, обсуждение платформы партии оказало несомненное содействие сплочению рядов партии и изживанию прежних разногласий.

2. Если в ряде мест, особенно в непромышленных и незначительных городах партийные организации находятся еще в очень тяжелом состоянии и фактически не находят путей для работы в условиях неслыханного террора, то в общем масштабе состояние самого партийного аппарата улучшилось, а в рабочих промышленных центрах наметились первые определенные признаки выхода из того «кризиса» партийной работы, который вызван естественным влиянием нелегального положения (после 5 лет открытого существования) и общей обстановкой распада рабочего движения.

3. В ряде рабочих промышленных центров возобновилась с.-д. работа, она встречает отклик в новых настроениях близкой партии классово- сознательной среды пролетариев и в выявляющемся все более явственным общем положении рабочей массы в отношении к государству и новым хозяевам. Бюро Ц. К. приветствует с.-д. рабочих, самоотверженно взявшихся за дело воссоздания былой организованности российского пролетариата.

4. Бюро Ц. К. констатирует, что некоторыми местными организациями проделана большая и настойчивая работа. Бюро Ц. К. считает необходимым отметить энергичную и стоящую на правильном пути работу.... и.... комитетов, а также большую организационную внутреннюю работу, проводимую без перерыва... комитетом.

II.

О партийном единстве.

Бюро Ц. К. разослано обращение ко всем членам партии, призывающее всех товарищей различия течений и направлений к дружной совместной работе и укреплению партийного единства.

III.

Резолюция Бюро Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

О провокации.

(Принято в заседании 12 января 1923 г.).

Ц. К. РСДРП. констатирует, что большевистское правительство в борьбе с социалистическими партиями начинает все более широко применять методы, напоминающие худшие времена царской деспотии. Правительство коммунистической партии не только в течение последних месяцев довершило полное уничтожение общественной жизни в стране, не только практикует массовые разгромы социалистических рабочих групп, студенчества и интеллигенции, не только загнало в подполье рабочую социал-демократическую партию и сетью шпионажа и насилий окружило всю пролетарскую жизнь, — оно встало на путь широкого применения самой гнусной провокации и «внутреннего освещения» в отношении к социалистическим партиям. Продажные агенты Г. П. У. стремятся вступить в число членов социалистических партий и там внутри вести свою подлую работу, кончающуюся для многих преданных борцов за рабочее дело тюремным заключением в поистине каторжных условиях, или ссылкой их в гиблые и голодные места. В нескольких местных организациях нашей партии разоблачены провокаторы.

Исчерпав все средства борьбы, будучи не в состоянии остановить работу социал-демократической партии, большевистская власть опускается все ниже в своем политическом падении и воскрешает мрачные времена Азефов и Малиновских.

Ц. К. РСДРП перед лицом российского и международного пролетариата с негодованием клеймит позорную и преступ-

ную деятельность органов коммунистического правительства и гнусные приемы издыхающего террора отдает на суд общественного мнения русских и европейских рабочих. Позор на голову правительства насильников и лицемеров, кричащих об «едином фронте» и в отношении к пролетарским организациям своей страны действующих методами деспотов всех стран: штыком, тюрьмой и провокацией.

Партийные издания.

1. «Социалдемократ», орган бюро Ц. К. Р. С. Д. Р. П. № 1, февраль 1923 г. Содержание: Ко всем рабочим. — Рабочий класс и социалдемократия. — Крапцек правды о социальном составе Р. К. П. — Милые бранятся — только тешатся. — Из международной жизни. — Коммунисты в Европе. — Рабочая жизнь: Борьба за заработную плату. — Из жизни Донбасса. — В Сормове. — Союз против рабочих. — Безработица и коммунистические привилегии. — Из партии: — В тюрьмах и ссылках. Эта нелегальная рабочая газета (8 страниц журнального формата), отпечатанная в типографии Бюро Ц. К., служит ярким свидетельством и тех бесстыдных репрессий, которыми большевики загоняют нашу партийную печать в подполье, и той несокрушимой энергии, с которою товарищи, работающие в России, преодолевают все препятствия.

2. Социал-Демократ, орган Бюро Ц. К. Р. С. Д. Р. П. № 2, март 1923 г. Отпечатан, как и предыдущий, в типографии Бюро Ц. К. Содержание: Социал-демократия в революции (два юбилея). — Р. К. П. — Политические заметки: «О хорошей земле и плохих хозяевах». — что гонит рабочих в Р. К. П.? — Из жизни профсоюзов. — Внимание налоговой политике! — Стена лжи и обмана. — Новая провокация? — Рабочая жизнь: О нашем «красном» директоре. — На Кубани. — Одесский дипломат. — Старые картины. — В тюрьмах и ссылке. — Партийная печать.

3. «Двадцать пять лет», печатная прокламация Бюро Ц. К., посвященная четверть-вековому юбилею партии. Прокламация заканчивается лозунгами: Да здравствует демократическая республика! Да здравствует социализм! Да здравствует Р. С. Д. Р. П.!

4. Бюллетень Ц. К. Бунда (на ротаторе) № 26, февраль 1923 г., посвященный целиком памяти В. Д. Медема.

5. Вышел № 3 информационного бюллетения Бюро ЦК РСДРП «Из партии». Содержание: — К сплочению партии. — К выработке партийной платформы. — Резолюция Бюро ЦК РСДРП о работе местных организаций. — Очередные вопросы. — О работе среди молодежи. — Из настроений рабочей среды. — Из жизни партийных организаций. — Партийная печать. — Укрепление финансового аппарата. — Репрессии.

* * *

В 2-ом № «Соц.-Дем.», органа Бюро ЦК, отмечены следующие новые партийные издания: № 13 «Бюллетеня» Одесского Ком. Р. С. Д. Р. П., № 7 «Рабочего Листка» Петроградского комитета и номер «Вперед», органа Московского Комитета.

Харьков.

Вновь вышел орган Главного Комитета РСДРП на Украине «Социал-Демократ», более года тому назад открывший эру нелегальной периодической партийной печати в большевистских условиях. Репрессии на время прервали выход «Социал-Демократа».

Вышедший теперь номер напечатан на гектографе, составлен очень живо, и популярно-агитационно. Имеются статьи о Руре, о бюджете, об юбилее ГПУ. Есть рабочая хроника. В приложении даны материалы Гаагского Конгресса мира.

К партийному юбилею.

В день ¼-векового юбилея партии Одесский комитет Р. С. Д. Р. П. обратился к центральным учреждениям партии с приветствием. Обрисовав ту поистине каторжную обстановку, в которой партия встречает день своего 25-летия, одесские товарищи констатируют, что «лучшие сыны партии, издерганные, измученные, истерзанные физически, — бодры духовно, полны энергии и стремления продолжать борьбу за лучшее будущее партии и рабочего класса». Рост мощи пролетариата — впереди. Впереди, следовательно, и будущий расцвет его руководительницы-партии. «Твердо уверенная в этом, одесская организация в настоящий исторический день шлет свой привет руководителям партии, ее Центральному Комитету и глашатаю правды, олицетворению свободного, независимого слова — ее центр. органу «Социалистическому Вестнику» и в их лице всем тем, кто остался верен рабочему классу и социалдемократии».

Партийный архив.

В связи с исполнившимся недавно 25-летним юбилеем существования нашей партии, заграничная Делегация Р. С. Д. Р. П. постановила приступить к систематическому собиранию документов и материалов, представляющих ценность с точки зрения истории революционного движения в России вообще, и нашей партии, в частности; с этой целью при заграничной делегации образуется партийный архив Р. С.-Д. Р. П.

Доводя об этом до сведения товарищей, заграничная делегация Р. С. Д. Р. П. обращается ко всем, в чьем распоряжении имеются подобные документы и материалы, с просьбой о передаче их в распоряжение партийного архива.

Особенную ценность для архива представляют всякого рода неизданные документы, в значительном количестве сохранившиеся в архивах представителей старой эмиграции, — частная и партийная переписка, протоколы заседаний, доклады и т. п. Все такого рода документы должны быть заботливо собраны и сохранены, причем особенно большую работу должны проделать с.-д. группы в старой эмиграции, — Женеве, Париже и т. п.

Письма и посылки для партийного архива надлежит отправлять по адресу «Соц. Вестн.» с надписью: «для парт. архива».

Загр. Дел. Р. С.-Д. Р. П.

Последняя почта

«Юбилейная» облава.

Во время грандиозной облавы, произведенной Г. П. У. в ознаменование 25-летия со дня 1-го с'езда, П., арестована, между прочим, Любовь Николаевна Радченко, муж которой (Степан Иванович Радченко) участвовал в свое время в этом с'езде, которая сама работала вместе с Лениным в 1894 года в Петербурге, была членом знаменитого «Союза Борьбы» и много сделала для подготовки с'езда. У нее на квартире арестована А. И. Красинская. Арестована также К. И. Цедербаум, приехавшая в Москву на 2 недели из Вятской ссылки с разрешения Г. П. У. Накануне ареста у нее был сделан днем на квартире обыск.

Провокаторский с'езд.

Пресловутый «с'езд с.-р-ов» открылся 14 марта «центральное бюро по созыву всер. с'езда бывших членов партии с.-р. выпустило однодневную газету «Единый фронт». Газета напечатана в типографии «Красный Маяк» Мосполиграфа в количестве 2000 экземпляров.

Состав «Центрального Бюро», помещающегося на Садовой-Триумфальной, № 11: председатель: В. А. Филатов, товарищ председателя: Н. О. Голлендер, секретарь: В. Ф. Моргенштерна, члены: П. Г. Макарычев, В. А. Строкан-Обской, С. Г. Кононов, В. И. Шмелев, Н. И. Кудин.

От ред. В следующем номере мы еще вернемся к этой провокаторской затее.

Почтовый ящик.

Получены №№ 81, 82, 83, 84.
Отправлен № 33.

Об'явления

Verantwortlich für Redaktion und Verlag: Alexander Rubinstein, Berlin-Charlottenburg. — Druck: Vorwärts Buchdruckerei und Verlagsanstalt, Paul Singer & Co Berlin SW 68, Lindenstr. 3